

СТАТЬИ

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56>

Дореволюционная литература об Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 годов

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

После распада СССР история присоединения к России регионов Средней Азии обрела как научную, так и политическую актуальность, поскольку сегодня в бывших республиках Средней Азии преобладает не научная, а политическая оценка событий, далекая от объективности. Положительные результаты отрицаются практически полностью, тогда как упор делается на негативных последствиях, описание которых порой доводится до абсурда. Можно сказать, что прежний советский подход получил продолжение, но в менее объективном и более политизированном виде, поскольку советские историки признавали наличие и позитивных последствий. Сегодня историческая наука Средней Азии стремится показать былые страдания своих народов и нечеловеческую жестокость «завоевателей», хотя со стороны первых жестокости было не меньше. Причем, не только в отношении «завоевателей», но и в отношении соседних народов или даже в отношении других местных племен. Обращение к дореволюционной литературе, прежде всего, к той, авторами которой были сами участники тех военных кампаний, позволяет взглянуть на события прошлого их глазами и более объективно оценить все, что происходило между Россией и среднеазиатскими ханствами. Поскольку анализ дореволюционной литературы, посвященной Ахалтекинским военным кампаниям 1879 и 1880–1881 гг., пока не проводился, данная статья имеет научную новизну.

Ключевые слова: Ахалтекинская экспедиция 1879 г., Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг., штурм Геок-Тепе, присоединение Средней Азии, дореволюционная военная литература

Для цитирования: Дубовиков А.М. Дореволюционная литература об Ахалтекинских экспедициях 1879 и 1880–1881 годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.10–56. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56>

Ахалтекинская военная кампания 1880 – начала 1881 г., итогом которой стало взятие крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) и «приведение к покорности» туркменского племени текинцев, была продолжением неудачной кампании 1879 г.

Кампании 1880–1881 гг. дореволюционные авторы посвятили много работ, разных как по объему, так и по стилю написания. Гораздо меньше внимания было уделено кампании 1879 г. Так как она оказалась неудачной для русских, ей было посвящено очень мало работ, а те строки в журналах и книгах, где о ней шла речь, рассматривали ее, прежде всего, как прелюдию к следующей, более успешной военной кампании, организаторы которой учли недавние ошибки.

Исключение – крупная статья **А.Черняка**, размещенная в 1887 г. в четырех номерах «Военного сборника» [39; 40; 41; 42]. В том же журнале, но уже в 1889 г., вышла его статья о второй Ахалтекинской кампании [43]. Отыскать биографические данные автора, включая даже его точные имя и отчество, не удалось. Известно, что он – участник тех событий. Более того, из названия его статей следует, что он – офицер-сапер. В первой из статей он подписывается как «штабс-капитан Черняк», во второй – просто как «А. Черняк». Упоминают его имя и некоторые авторы, например, А.Н. Маслов, также офицер-сапер, и, видимо, начальник Черняка, так как он, на тот момент капитан, в своей книге называл Черняка поручиком, который 3 января, вместе с подпоручиком Гринёвым, руководил возведением очередного редута. Их обоих капитан Маслов назвал офицерами 2-го саперного батальона [32, с.87]. Упомянув Черняка вторично, Маслов отметил, что тот лично руководил «траншейными работами» для подрыва стены: *«Работами в галерее управляет поручик Черняк. Он следит за правильностью и успехом работы, и поверяет по временам направление главной линии особыми инструментами»*. Помогали ему два подпоручика – тот же Гринёв и Погосский [32, с.100]. Штабс-капитаном Черняк стал уже позже. Несмотря на то, что первая статья Черняка выходила в четырех номерах журнала, а вторая – лишь в одном, объем второй не меньше, и даже больше, чем общий объем первой – 62 страницы против 56-ти.

Ценность первой статьи Черняка состоит, прежде всего, в том, что в ней подробно описаны события 1879 г., которые прочие авторы предпочли или не упоминать, или упомянуть мельком из-за ее провальности. Начинается она с описания тяжестей следования отряда по безводной туркменской пустыне. Автор ведет подробную датировку событий с указанием дат: *«Чекишляр. 5-го июня»*, *«Аты-Буюн. 6-го июня»*, *«Дели-ли. 7-го июня»* и т.д. Заканчивается первый номер статьи Черняка абзацем о появлении в отряде цинги, о смерти солдата от «кровавого поноса» и о дожде, грозящем перерасти в ливень. Все это описано после стандартных слов: *«Дуз-Олум. 25-го июня»* [39, с.293].

В следующем номере статья начинается словами *«Бек-Тепе. 26-го июня»*. Дальнейшие события продолжают разворачиваться в Бек-Тепе на

протяжении почти месяца, о чем свидетельствует последняя запись, связанная с этим объектом – «*Бек-Тепе. 19-го июля*» [40, с.133]. Затем события разворачиваются в селении Терсакан («*Терсакан. 20-го июля*»), переход к которому, по словам Черняка, был «*прелестной прогулкой*» [40, с.134]. Потом автор вновь пишет о трудностях похода. Интересна информация о проводнике-туркмене, который помогал русским и даже сдружился с Черняком, которому в Тарсакане принес «*зеленого винограда и трех курочек*», хотя, не зная языков друг друга, оба использовали язык жестов. Последнее упоминание о Терсакане относится к 5 августа. Последним стало известие, что в Чекишляре открылось почтовое сообщение [38, с.138]. Далее упоминается Бендесен, куда первая колонна выступила 5 августа, и уже на следующий день вступила в бой с текинской шайкой. Второй номер журнала со статьей Черняка завершается 22 августа в том же Бендесене. Центральное место заняли работы по устройству спуска с гор, требовавшие от инженеров-саперов немало усилий. Не менее важным стало известие о неожиданной смерти генерала И.Д. Лазарева и назначении новым начальником экспедиции генерала Н.П. Ломакина [40, с.143–144].

Третий номер включил в себя события от выдвижения в Ахалтекинский оазис русского отряда до столкновений с текинцами уже в непосредственной близости с крепостью Денгиль-Тепе (Геок-Тепе). Здесь уже нет расписания по дням событий, как прежде. Описаны сложности пути, нападения текинцев, и все, происходившее в отрядах, рассредоточившихся друг от друга на разных расстояниях. Заканчивается третья часть статьи рассказом о бое с текинцами близ аула Янги-кала [41, с.136–138].

В четвертой части рассказывается непосредственно о неудачном штурме Геок-Тепе и последующем отступлении. «Небольшие крепостцы» близ Геок-Тепе автор еще не называет их так, как их будут называть участники второй кампании – «Правофланговая кала», «Мельничная кала» и т.п.

В ходе штурма Геок-Тепе отряд понес большие потери, после которых Ломакин решил завершить осаду и покинуть Ахалтекинский оазис. Черняк пишет: «*Утомленные войска были потрясены постигшей их неудачей*» [42, с.267]. И далее: «*Трудно указывать все причины постигшей нас неудачи*», хотя он все же попытался перечислить причины краха кампании: 1) «*войска были пущены в бой не спавшие, голодные, прямо с похода*»; 2) «*атака была поведена цепью на отвесные высокие стены с рвами впереди, и захватила громадный район*»; 3) «*для действия артиллерии не было поставлено никакой определенной цели*»; 4) «*не было произведено рекогносцировки*»; 5) «*не было заготовлено никаких приспособлений, облегчающих штурм стен*»; 6) «*войска слишком неравномерно были разделены на боевую часть (пять батальонов) и резерв (один батальон), вследствие чего им не на что было опереться*» [42, с.268].

Неясно, зачем фамилии ряда командиров Черняк решил не называть, хотя на момент публикации его статьи прошло восемь лет после той кампании, но в статье зачем-то фигурируют некие «Г.», «Ш.» и др.

Статья Черняка о второй Ахалтекинской кампании мало чем отличается от многих других работ (например, А.Н. Куропаткина, Н.И. Гродекова или «капитана Муравцева»), если не считать различий в количестве страниц, хотя ряд ее особенностей все же можно найти.

Как сапер, Черняк уделил много внимания вопросам, связанным с его военной специальностью: испытанию воздействия динамита на глинобитные стены, возведению редутов, наведению переправ и прочим работам, особенно рытью подземной траншеи для подрыва стены.

Интересна и его информация о том, где и как текинцы отливают ядра для своей пушки; это делается на вершине холма Денгиль-Тепе, где была вырыта траншея, в которой располагалась их единственная пушка, до того, как у русских были захвачены еще две [43, с.444].

Странно, что, готовя взрыв, автор не упомянул подвиг Кунаковскова, но, сообщая о переговорах с текинцами относительно уборки трупов, в качестве парламентаров упомянул сотника «Кунаковского» и полковника Йомудского [43, с.459]. Черняк не единственный, кто упомянул Йомудского. А вот А.А. Майер наверняка ошибся, слегка изменив его чин и фамилию: «Подполковник Гомудский, главный переводчик штаба, вышел из траншеи и вступил в беседу с двумя старшинами» [27, с.225]. Кунаковскова Майер вообще не заметил.

Фамилию Йомудского Майер явно указал ошибочную. Тот, наверняка, был представителем туркменской знати, поступившим на русскую службу, о чем свидетельствует его фамилия: йомуды – одно из основных туркменских племен. В то время часто давали подобные фамилии, связывая их с этническим происхождением (Аварский и т.п.). К тому же Майер не случайно назвал Йомудского «главным переводчиком», как бы подчеркнув его свободное владение языком текинцев. Еще один участник кампании, К.К. Гейнс, верно назвав фамилию Йомудского, полагал, что тот был вообще майором: «*Майор Йомудский, получив приказание вступить в переговоры с текинцами относительно уборки тел, из траншеи стал выкликать текинцев с предложением прекратить огонь и выслать людей для переговоров*» [8, с.58].

Удачному осуществлению взрыва стены Геок-Тепе Черняк был так рад, что на этом фактически закончил рассказ, посвятив штурму лишь одно предложение: «*К часу дня крепость была в наших руках*». Далее – ряд последних строк, где автор отметил, что русские доказали, что «они не остановятся перед решением поставленной им задачи», а текинцы «своей геройской обороной ясно показали всем, что не в магазинном ружье, а в человеке сосредоточено главное боевое могущество» [43, с.462].

Абсолютное большинство авторов работ об Ахалтекинских кампаниях были офицерами, участниками тех событий, некоторые потом дослу-

жились до генеральских чинов. Среди генералов, не участвовавших в той кампании, но нашедших для нее место в своих книгах, надо отметить М.А. Терентьева, автора «Завоевания Средней Азии», и **А.И. Макшеева**, автора «Исторического обзора Туркестана и наступательного движения в него русских». У Макшеева информация об Ахалтекинских кампаниях помещена в самой последней (XIV) главе и занимает лишь 20 страниц [28, с.353–373]. Поэтому информация о тех кампаниях предельно сжата, изобилует цифрами и таблицами. В конце главы размещены примечания, из коих следует, что автор книги опирался на труды таких участников Ахалтекинских кампаний, как А.Н. Куропаткин, Н.И. Гродеков и К.К. Гейнс.

Николай Иванович Гродеков (1843–1913) – автор самого обширного труда, полностью посвященного Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг., вышедшего в четырех томах [10; 11; 12; 13]. Уроженец Елисаветграда, он в 1862 г. окончил 2-е Константиновское военное училище, после чего принял участие в подавлении польского восстания. Окончив Академию Генштаба в 1868 г., проходил службу на Кавказе, где впервые попробовал себя в качестве военного историка, написав книгу «Нагорная полоса Кубанской области». После того как в 1870 г. Мангышлакское приставство было выведено из состава Уральской области и передано в ведение Кавказского наместничества, он нес службу на восточном берегу Каспия, принял участие в Хивинском походе 1873 г., будучи начальником штаба Мангышлакского отряда полковника Н.П. Ломакина. В 1883 г. вышла его книга «Хивинский поход 1873 г. Действия Кавказских отрядов». В период службы начальником штаба войск Ферганской области он сблизился с ее военным губернатором М.Д. Скобелевым. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., затем в качестве разведчика посетил Персию и Афганистан, о чем написал книгу «Через Афганистан». Участвовал в обеих Ахалтекинских экспедициях. Во время боевых действий близ Геок-Тепе в конце 1880 – начале 1881 г. был начальником штаба у Скобелева. Незадолго до этого побывал в Иране, куда был направлен для заготовки в приграничных районах продовольствия для русской армии. О миссии в Иране подробно рассказано в 4-м томе его книги [13, с.135]. В Персию он отбыл в чине полковника, но уже летом 1880 г. был произведен в генералы.

Первые три тома его книги вышли в 1883 г., четвертый – в 1884 г. Всего в них около 1700 страниц, много карт, схем, таблиц. В конце томов – приложения с приказами, рапортами, инструкциями, циркулярами, письмами, предписаниями, отчетами, справками, ведомостями и прочими документами.

Первый том начинается с обзора географических и этнографических особенностей края [10, с.1–15, 22–35]. Далее внимание уделено разработке планов экспедиции, включая вопросы снабжения [10, с.170–207], а также деятельности Скобелева после прибытия в Тифлис, затем на восточный берег Каспия [10, с.223–236, 241–245, 260–261 и др.]. Заканчивается том 39 приложениями [10, с.1–158 в Приложениях].

Во втором томе продолжена тема подготовки к походу, описаны события весны-лета 1880 г., происходившие после прибытия Скобелева: занятие Ходжакалы и Бами, июльская рекогносцировка и др. [11, с.41–152].

Осаде и штурму Геок-Тепе посвящен третий том. Далее – подробная информация о новых планах [12, с.1–9, 86–91 и др.], о переброске войск с Кавказа [12, с.51–52, 55–56], о движении передовых отрядов и столкновениях с текинцами [10, с.42–45, 48–50, 59–65 и др.], о встрече Туркестанского отряда [12, с.101–114], обо всех рекогносцировках [12, с.154–158, 160, 164–166 и др.], о занятии разных «кал» (кала – укрепление, земляная цитадель) [12, с.179–193, 230–236], об осадных работах [12, с.213–222, 228–229, 236–237 и др.] и вылазках текинцев [12, с.221–228, 239–243, 254–257 и др.], о производстве подкопа [12, с.259–260, 268–271 и др.], о штурме и взятии Геок-Тепе [12, с.280–293].

Четвертый том посвящен событиям, произошедшим после взятия Геок-Тепе: занятию Асхабада (Ашхабада), признанию текинцами покорности, их возвращению в свои аулы [13, с.5–37, 56–59, 91–92, 112–113], смене начальства и следованию отрядов в места их постоянной дислокации [13, с.62, 111 и др.]. Проведен подробный анализ организации снабжения войск и контроля над ним [13, с.206–296], медико-санитарной обстановке и влиянию на здоровье природных условий края, организации военно-медицинской службы [13, с.50, 125, 284–286, 297–382]. Очень подробно автор описал свою миссию в Персии [13, с.135–181].

Во всех томах много места заняли вопросы, связанные с верблюдами, что характерно для работ многих авторов. В Средней Азии и казахских степях верблюды незаменимы для перевозки грузов, но русские (и даже кавказцы) не владели достаточными навыками по уходу за верблюдами, и эти функции выполняли казахи-верблюдовожатые («лаучи»), которых нанимали на взаимовыгодных условиях. Сохранять свежее мясо при переходах через жаркие бескрайние степи и пустыни было невозможно, отчего при отрядах имелись стада овец, названных в отчетах «порционным скотом», поголовье которого определялось из расчета норм потребления мяса. Во втором томе две последние главы почти полностью посвящены верблюдам: их приобретению и заботе о них, причинам падежа скота, формированию и охране караванов и т.п.

Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – автор книги, меньшей по объему, нежели книга Гродекова [22], но схожей с ней по стилю изложения материала. Ее автор родился в семье офицера, окончил столичный кадетский корпус и 1-е Павловское пехотное училище и в чине подпоручика в 1868 г. начал службу в 1-м Туркестанском батальоне. Он принял участие во многих сражениях в Средней Азии. В 1871–1874 гг., будучи штабс-капитаном, обучался в Академии Генштаба. Службу в Средней Азии продолжил в 1875 г. Тогда же принял участие в подавлении восстания кокандцев, отличился при взятии Уч-Кургана. Весной 1876 г. возглавил посольство в Кашгар, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был начальни-

ком штаба пехотной дивизии. В 1879 г. вернулся в Среднюю Азию, возглавив Туркестанскую стрелковую бригаду. Во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., будучи в чине полковника, возглавил Туркестанский отряд, а в следующем году был произведен в генералы.

Туркестанский отряд был сформирован в Петро-Александровске, откуда предполагалось идти на соединение с «кавказцами» (так условно называли отряд, шедший из Чекишляра (с берега Каспия), сформированный преимущественно из переброшенных с Кавказа войск), чтобы вместе идти к Геок-Тепе.

Хронологические рамки событий, описанных в книге Куропаткина, как следует из ее названия, охватывают период с 1839 по 1881 г. Книга состоит из двух частей. Первая называется «Очерк военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год» и занимает треть книги [24, с.1–77]. Название второй (и главной) части совпадает с основной частью названия книги: «Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880–81 гг.» [24, с.78–220]. Четыре последних страницы [24, с.221–224] заняло приложение, не связанное напрямую с ходом кампании (нормы снабжения войск в «степных» походах: продовольствие, скот, боеприпасы, повозки и т.п.).

Вторая часть содержит 4 главы. Первая начинается с описания природных условий края и заканчивается неудачным завершением похода 1879 г. [24, с.78–86, 98–102]. Там же подробно описаны возможные маршруты передвижения в регионе (расстояния, колодцы, примерное число переходов, дней и т.п.) [24, с.86–92]. Интересно описание туркменских племен, прежде всего, текинцев: расселение, численность, общественное устройство, хозяйственные занятия и военные традиции, этнопсихологические особенности, а также их набеги на соседей и русских [24, с.92–97].

Вторая глава похожа на сокращенный текст книги Гродекова: планы действий, заготовка необходимого, поиск верблюдов и лаучей, устройство складов и причалов, занятие аула Бами, июльская рекогносцировка, встреча с «туркестанцами» [24, с.103–135]. Завершается глава событиями ноября.

В третьей главе описаны события декабря: занятие аула Егян-Батыркала (ставшего «Самурским укреплением», названным в честь Самурского полка) и Янги-калы, декабрьские рекогносцировки, основание лагеря близ Геок-Тепе, начало осады крепости и вылазки текинцев [24, с.136–179].

В четвертой главе описаны январские события: продолжение осадных работ, последняя вылазка текинцев, «минные работы», подготовка к штурму и его проведение, подсчет потерь обеих сторон [24, с.180–220]. Завершается глава событиями, напрямую не связанными с кампанией, даже выходящими за хронологические рамки, указанные в названии книги: присоединение Мерва и конфликт с афганцами (1884–1885 гг.) [24, с.216–218].

Михаил Африканович Терентьев (1837–1909) – автор трехтомника «История завоевания Средней Азии», хорошо известного военным историкам как фундаментальный труд, в котором Ахалтекинской экспедиции отведено около половины страниц третьего, последнего тома [37].

Окончив в 18 лет столичный Константиновский кадетский корпус, автор успел поучаствовать в Крымской войне, будучи в чине корнета. В 1862 г. в чине поручика поступил в Академию Генштаба. Окончив ее в чине штабс-капитана, продолжил службу при Генштабе и начал обучение при Азиатском департаменте МИД, получил востоковедческое образование, изучил турецкий и арабский языки. В 1867 г. стал старшим помощником начальника Аулие-Атинского уезда Туркестанского генерал-губернаторства. В 1867–1868 гг. отличился в боях с бухарцами, в 1869 г. был произведен в ротмистры. Затем служил при начальстве Зеравшанского округа, Ходжентского и Чимкентского уездов, а с 1871 г. – при штабе туркестанского генерал-губернатора, где участвовал в разработке плана Хивинской кампании, в рекогносцировках путей в Хиву, но в той кампании не участвовал, так как до ее проведения начал обучение в Военно-юридической академии, окончив которую начал службу в военно-судебном ведомстве. Тогда же начал писать книги – «На прощание с Средней Азией» (1873), «Статистические очерки Среднеазиатской России» (1874), «Россия и Англия в борьбе за рынки» и «Россия и Англия в Средней Азии» (1875). Также он написал учебные пособия для обучения русских азиатским языкам и наоборот. После участия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. продолжил службу в военно-судебном ведомстве. Над своим трехтомником он начал работать, еще служа в Средней Азии, а закончил уже после выхода в отставку в чине генерал-лейтенанта. Два первых тома вышли в 1903 г., третий – в 1906 г.

В той части, где речь идет об Ахалтекинской кампании, автор часто ссылается на работы участников – А.Н. Куропаткина, А.В. Верещагина и других, поскольку сам не участвовал в ней (тогда он был майором и военным следователем Виленского военного округа).

Третий том его книги содержит 18 глав. В первых четырех речь идет о подготовке кампании 1879 г., ее неудачном завершении, новых планах и назначениях [37, с.1–44]. Далее следуют вопросы, касающиеся заготовок всего необходимого, о срыве поставок, хищениях, плохом контроле, проблемах военно-полевой медицины и об отъезде Гродекова в Иран [37, с.45–87].

Большая часть пятой главы посвящена М.Д. Скобелеву – рассказу о его геройских поступках в прошлом и настоящем, например, его решительным действиям в ходе июльской рекогносцировки [37, с.88–110], где Терентьев обнаружил расхождения в описании тех событий у Гродекова и Майера [37, с.106–107]. Терентьев справедливо принял версию генерала, нежели версию бывшего унтер-офицера флота.

События конца июля – середины декабря нашли отражение в шестой главе; в основном – это столкновения с текинцами. Там же упомянута встреча отряда Куропаткина [37, с.111–133].

Главы с седьмой по десятую посвящены самой горячей фазе кампании (событиям, происходившим со второй половины декабря до 12 янва-

ря): занятие Келете, рекогносцировка 22 декабря, гибель генерала Петрушевича (об этом в седьмой главе), о событиях 23 декабря – 1 января (седьмая глава). Здесь главное место отведено началу осадных работ и вылазкам текинцев, а также взятию ряда кал людьми Куропаткина [37, с.134–176]. В девятой главе показаны последние (январские) события – от начала траншейных работ до подземного взрыва и штурма крепости [37, с.177–199]. Упомянут и Кунаковсков [37, с.180–181].

Событиям, происходившим после взятия Геок-Тепе, посвящена десятая глава: освобождение текинских рабов, изъятие у текинцев оружия, отъезд отрядов и Скобелева, подсчет потерь и материальных затрат и т.п. [37, с.200–228]. В последних восьми главах описаны уже другие события.

«**Капитан Муравцев**» – автор статьи, которая, будучи во многом схожей с работами вышеуказанных авторов, выходила в пяти номерах «Военного сборника» [19; 20; 21; 22; 23]. Однако в Туркестанском отряде, членом которого представлялся автор, такого капитана не было. А так как он не раз упомянул себя как адъютанта Куропаткина, можно догадаться, что это был капитан Муромцев. К сожалению, что-то узнать, кроме фамилии и чина, не удалось.

В заглавие его статьи вкралась ошибка (или опечатка): не «с ноября 1860 г.», а с ноября 1880 г. Часть статьи, где описан поход Туркестанского отряда до встречи с «кавказцами», похожа на походный журнал – как и у Черняка, все начинается с дат: «15-го ноября», «16-го ноября», «17-го ноября» и т.д.

Муромцев более детально, чем другие офицеры отряда Куропаткина (кроме самого Куропаткина – А.Л. Гуляева, П.П. Калитина), описал состав его подразделений: аулы, водоемы и колодцы, через которые он проследовал, расстояния между ними, даты, продолжительность дней и ночевков, вопросы фуража и прочее. Все это нашло место в первом номере «Военного сборника». Остальные номера посвящены военным действиям, от мелких стычек с противником до взятия Геок-Тепе (Денгиль-Тепе).

Александр Викторович Щербак (1848–1894), выпускник медико-хирургической академии, участник сербского восстания против турок в качестве военврача, а после вступления в войну России – начальник врачебно-санитарного пункта при отряде Великого князя, будущего Александра III. По окончании тех событий он написал книгу «Черногория и ее война с турками в 1877–78 годах».

Во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. он руководил обустройством санитарных пунктов. Будучи на Великокняжеской позиции, он всегда направлялся туда, где раненные нуждались в его помощи, в том числе и при штурме Геок-Тепе.

Его книга о тех событиях увидела свет в 1884 г., а спустя 16 лет вышло ее дополненное издание [44]. Она содержит 23 небольшие главы, размещенные в двух частях, названных «периодами»: «Период 1-й. Органи-

зация тыла» и «Период 2-й. Наступательные действия». Первая часть содержит 10, вторая – 13 глав.

В первой речи идет о событиях, предшествовавших выступлению из Бами. Рассказ начинается с прибытия автора из Астрахани в Красноводск, а затем – в Чекишляр (он называет его «Чигишляр»). Далее – описание этих селений, похожее на дневник путешественника, знакомство с их новыми обитателями – комендантом Чекишляра полковником Арцишевским, сестрой милосердия графиней Милютиной, отрядным интендантом Кальницким и др. Затем речь идет о проблемах снабжения, найме верблюдов и т.п., о прибытии Скобелева [44, с.1–16]. Заканчивается первая часть недовольством Скобелева ходом снабжения кампании, ревизией складов, арестом виновных, признанием неудовлетворительного состояния медицинской части [44, с.79–87].

Целых две страницы автор уделил рассказу о коллеге, отрядном враче Гейфельдере: *«Хотя красноватое лицо его со следами некоторой угреватости нельзя было назвать красивым, но серые блестящие глаза, которыми он по произволу делал томными, слегка захватывая их к небу, были недурны. Сам почетный хирург находил в них что-то магнетическое, уверяя, что не только женщины, но даже и многие мужчины не в состоянии вынести блеска его глаз. Благозвучный теноровый голос, которым любил он распевать арии из “Риголетто” и других опер во время вечерних прогулок, производил на многих приятное впечатление»*. Далее автор отметил *«высокий рост и стройную походку»*, позволяющие коллеге походить на *«нечто поэтическое в оффенбаховском жанре»*. Плохой русский язык, *«который он коверкал иногда до невозможности, вызывая у окружающих невольную улыбку»*, не мешал ему *«пускаться в рассуждения о философских теориях»*. Не менее образно, но саркастически, звучит рассказ о родословной коллеги, чей отец был *«очень умный человек из Берлина»*, а мать – *«очень нежная дама с берегов Рейна»*, и от такого брака *«могло произойти только нечто особенное и гениальное»* [44, с.17–18].

Так же образно автор описал не только людей, но и населенные пункты, укрепления, климат и природу. Вот фрагмент пути из Чекишляра в Бами: *«Было еще очень рано. Солнце только что взошло, но в воздухе стояла уже духота, которая, все увеличиваясь, часам к десяти стала печь, как в паровике. Кругом, на всем пространстве, которое мог обнять только глаз – голая степь, устланная кое-где небольшими тощими кустиками саксаула. На горизонте, казавшимся очень недалеким, серебрились разных величин обманчивые озера степного миража. Иногда казалось, что озера эти, с выступавшими из них островками или длинными полосами кустарников совсем близко – так вот и въедешь в них»* [44, с.25–26].

Вторая часть начинается с событий 26 ноября, начала похода: *«Но вот протрубил рожок, за ним другой, третий, несколько... во всех частях войска, успевшего стянуться в передовой пункт. Прогудел заревой выстрел. Раздались торжественные звуки гимнов: “Коль славен Бог” и “Боже, Царя»*

храни". Лагерь пробудился. Шумный говор, торопливая суетня выбегавших солдат из кибиток и палаток, глухой стук колес орудий, выкатываемых из укрепления, отчаянные крики верблюдов, нагружаемых разнообразным провиантом, юломейками, ротными котлами, боевыми снарядами и т. п., все это скоро сменило утреннюю тишину, придав лагерю необычайно оживленный вид, не походивший на многие прошлые дни монотонной стоянки. Это был день, так долго, так томительно ожидаемый всеми. День 26-го ноября – "общего наступления вперед"» [44, с.88].

Завершается книга штурмом Геок-Тепе и дальнейшими событиями до отъезда Скобелева. Как всегда, Щербак образно описал состояние солдат в ожидании штурма: *«Лица у всех бодрые, оживленные, глаза смотрят серьезно – в ожидании чего-то торжественного. В Апишеронском батальоне сознание важности наступившей минуты как-то резче. Это тот батальон, который так несчастливо и такой дорогой ценой потерял свое знамя. Ему предоставлена честь умереть первым, находясь во главе штурмующей колонны левого фланга. Боевая традиция батальона должна в этот день обогатиться новым славным подвигом, который, быть может, создаст ему знамя. Пусть оно развеивается хоть над общей могилой, сделавшись достоянием страниц истории, но оно должно развеиваться. Так говорят блестящие глаза этих солдат. Так слышится это в сдержанных, отрывистых фразах: "Дай-то, Господи, победить, да там и умереть – по мертвому не спомянут лихом"»* [44, с.163].

Конечно, автор с таким литературным даром не мог использовать сухой язык военных сводок, который предпочли «Муравцев», Гродеков, Куропаткин и Терентьев. Зато, благодаря таким, как он, лучше узнаешь действующих лиц, упомянутых генералами. К стилю Щербака близок стиль А.Н. Маслова, А.А. Майера, А.В. Верещагина.

Алексей Николаевич Маслов (1852–1923) родился в Варшаве в семье офицера. Окончив Николаевское военно-инженерное училище в 1871 г., в чине подпоручика начал службу в 1-м Кавказском саперном батальоне. С тех пор инженерно-саперная служба стала его основной военной профессией. В составе Мангышлакского отряда Н.П. Ломакина участвовал в Хивинской кампании 1873 г. Главными его занятиями были: обустройство причалов для судов, доставлявших войска с Кавказа, возведение мостов и переправ через водоемы во время движения отряда. Он часто развлекал сослуживцев песнями, за что получил прозвище «отрядного соловья». По окончании той кампании был произведен в чин поручика. Осенью 1877 г. под Эрзерумом был контужен, будучи командиром саперной роты. В следующем году стал штабс-капитаном, а еще через два года – капитаном, окончив к тому времени Николаевскую военно-инженерную академию.

В Ахалтекинской кампании его непосредственным начальником был подполковник Я.К. Рутковский, руководивший инженерными работами. Книга Маслова переиздавалась дважды – в 1882 и 1887 гг. [32; 33]. Перед выходом первой книги в трех номерах «Инженерного журнала» он напи-

сал статью «Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881)» [29; 30; 31], ставшей основой его будущих книг.

Второе издание было дополнено материалами о Скобелеве, о чем автор в предисловии писал: *«Первое издание явилось еще при жизни М.Д. Скобелева. В настоящее время, когда его жизнь и деяния становятся достоянием истории, я прибавляю к этим воспоминаниям о текинском походе еще значительную часть своих записок о Скобелеве, составленных по личным наблюдениям, по рассказам близких к нему лиц, и, наконец, по документам. В записки вошли сведения о происхождении Скобелева, об его детстве и воспитании, и об участии его в Хивинском и Коканском походах»* [33, с. III].

Первая глава названа «Михайловской линией», где речь идет о казахах и их преимуществах по сравнению с туркменами в качестве проводников или лаучей, о местном климате и ландшафте, флоре и фауне, о строительстве железной дороги, об июльской рекогносцировке и ноябрьском набеге Тыкма-сардара. Заканчивается глава выступлением в поход передового отряда и его стычкой с текинцами [33, с. 1–26].

Вторая глава («От Бами до Геок-тепе») рассказывает о движении к Геок-Тепе, рекогносцировках, захвате Великокняжеской позиции, жизни в осадном лагере и на опорных пунктах, текинских вылазках [33, с. 27–46].

Третья глава («Под стенами Денгиль-тепе») сообщает о приближении лагеря к крепости, об упадке в нем духа после потерь, о Скобелеве, сумевшем воодушевить солдат [33, с. 47–66].

В четвертой главе, согласно ее названию («Великокняжеская позиция»), основное внимание уделено данной «позиции», где разместился Куропаткин (ее взятием завершалась третья глава). Описаны действия людей Куропаткина – уральских казаков и прибывших к ним саперов и пехотинцев Ширванского полка, именем которого назван очередной устроенный редут. Упомянут впервые гардемарин Майер, будущий автор еще одной книги [33, с. 67–89].

Пятая глава («Последние дни осады») [33, с. 90–122] осветила события 4–11 января: последнюю вылазку текинцев, уборку трупов, рытье минной траншеи, подвиг Кунаковска, использование тяжелых мортир при обстреле крепости.

Многие авторы, рассказывая о подготовке к подрыву стены Геок-Тепе, упоминают слово «мина», ведя речь о рытье «минной траншеи» или «минной галереи». Сегодня под словом «мина» подразумевается скрытое устройство, взрывающееся при определенных условиях. Но слово «mine», пришедшее в русский язык из французского, означает просто «подкоп». Именно такое значение данного слова указано в «Толковом словаре» В.И. Даля, согласно которому, мина – *«подкоп, подземный ход под неприятельские укрепления для взрыва их»* [15, стб. 853].

Рассказывая о Кунаковске, автор дал характеристику уральским казакам его отряда: *«Уральцы – народ гордый, и только себя считают на-*

стоящими казаками. Вследствие системы найма, в рядах их войска наполовину служат старые казаки, увешанные крестами, хорошо снаряженные, и на добрых конях; понятно, что к оренбуржцам, где все – народ молодой, они относятся несколько свысока» [33, с.103].

В шестой главе («Штурм Денгиль-тепе») описаны события 12 января: создание трех штурмовых колонн и их действия во время штурма, бегство текинцев и их преследование [33, с.123–156].

Последние главы («Лагерь после победы» и «Занятие и умиротворение текинского оазиса») [33, с.156–205] посвящены последующим событиям.

В книге Маслова много деталей быта сослуживцев, их диалогов и т.п. Не зря ее автор, став профессором военной академии, позже увлекся писательской деятельностью, взяв псевдоним «Бежецкий» (видимо, потому что происходил из дворян Бежецкого уезда Тверской губернии), и даже ударился в вошедшие в моду мистику, оккультизм и спиритизм, написав ряд рассказов, включенных в сборник «Музей восковых фигур».

Александр Александрович Майер (1858–1919), сын офицера, окончив в Петербурге морской кадетский корпус в 1879 г., стал гардемаринем. В разные годы в России так называли либо учащихся военно-морских заведений, либо унтер-офицеров флота. В данном случае имеется в виду второй вариант. Начав службу на Каспии, он принял участие в Ахалтекинской экспедиции в том же чине, будучи помощником командира небольшой морской батареи, участвовал в рекогносцировках, а во время штурма Геок-Тепе, находясь в колонне полковника П.А. Козелкова, получил пулевое ранение в челюсть. По окончании кампании был произведен в мичманы.

О той кампании Майер написал ряд мемуарных статей, вышедших в «Кронштадтском вестнике», которые затем вошли в его книгу [27]. По сути, это сборник из семи рассказов: «На биваке», «Переход в степи», «Укрепление Бендесен и охотники», «Правофланговая Кала», «В горах Копет-Дага», «Ночь в Эгян-Батыр-Кала» и «Осада и штурм Геок-Тепе». Все они, в зависимости от значимости содержащегося в них материала, различны по объему – от 4 страниц, которые занял первый рассказ, до 69 страниц, которые занял последний.

Автор часто использует иностранные слова и выражения (французские или немецкие, записанные с использованием оригинальной графики – *«Jusqu' au bout des ongles»*, *«Dieser barbarischen Sprache»*, *«Hinterhalt! Wie heist dae auf Russich?»*, *«So jung und so verdorben!»* и т.п.) [27, с.83, 84, 91 и др.].

Иногда он сравнивает своих персонажей с историческими лицами или литературными героями. К примеру, текинскую женщину, отправившуюся на вылазку вместе с мужчинами и погибшую в бою, он называет текинской Жанной Д'Арк (*«у одной убитой в руках была длинная палка с насаженной на конце половиной ножниц; красиво разбросавшись, лежала эта текинская Жанна д'Арк с несколькими штыковыми ранами, сжимая свое импровизированное оружие в руке, с выражением ненависти на искажен-*

ном лице») [27, с.74]. А одного барона и его слугу Майер назвал «ахалтекинским Дон-Кихотом» и «современным Санчо Панса» [27, с.83]. При этом о себе он всегда пишет только в третьем лице, называя себя просто «гардемарином».

Автор часто сравнивает пейзажи Туркмении с пейзажами других регионов, давая им соответствующие имена: «Босфор» (129), «Альпы» (130), «Замок Габсбургов» (131) и т.п. [27, с.129, 130, 131 и др.].

В отличие от основной массы работ, посвященных Ахалтекинской кампании, в книге Майера практически нет ни цифр, ни номеров батальонов, рот или полков. Солдат автор называет солдатиками, не уточняя, к какому подразделению они принадлежат. То же касается и казаков; упоминая их, он не называет ни подразделений, ни войск, к которым они относятся.

Как истинный литератор, Майер не заикливается на одних лишь военных событиях, а обращает внимание на самые разные стороны походного или лагерного быта, например, на то, как флотский лейтенант велел связать пьяного матроса, устроившего драку, какие цены на водку и табак взвинтили маркитанты, как офицеры устроили пьянку, как они играют в карты, как поручик воспитывает нерадивого солдата и т.п. [27, с.137–141, 173, 223 и др.].

Майер, еще не став популярным писателем, уже мог в ярких красках описать обычные явления и обычные предметы. К примеру, обычный выстрел из пушки: *«Медное 4-футовое орудие изрыгает пламя, раздается гром, звон откатывающегося орудия, свист удаляющейся гранаты, и через несколько мгновений далекий гул разрыва. От выстрела сыплется земля с бруствера и некоторое время в облаке пыли ничего нельзя разобрать, что делается около орудия. Но вот облако рассеялось, и взорам наблюдателя представляется длиннейший поручик Берг с самой свирепой наружностью, но с сердцем незлобивым, как у агнца. Расставив ноги стоит он, высовываясь на полгруды из-за бруствера, и смотрит в бинокль на действие снаряда»* [27, с.49].

Или описание знакомых офицеров, которых автор обнаружил убитыми: *«Вот лежит Сандецкий с перерубленным горлом и без верхней части черепа, снесенного шашкой; открытые глаза потускнели, ничего не выражают... а недавно они еще блестели юмором, отвагой, добродушием. Вот Готто, красивый некогда брюнет, которого нельзя узнать, так как семь шашечных ран обезобразили его лицо, и только усы, чудные, длинные усы заставляют его узнать»* [27, с.74–75].

А вот как описаны муки солдата-артиллериста, захваченного в плен во время текинской вылазки: *«Приведу в пример героя в серой шинели, урядного, плюгавенького солдатика, о котором едва ли кто знает. Взятый в плен вместе с пушкой, в числе прислуги которой он находился, он подвергается самым страшным пыткам, которыми его хотят принудить открыть неизвестный текинцам способ обращения с орудием не-*

знакомой им системы. И вот ему последовательно режут все пальцы на руках и на ногах; наш серый герой крепится, призывает на помощь свою веру и молчит! Вырезают ремни из спины – тоже молчание; полуживого поджаривают – он умирает, не сказав ни слова! Фамилия этого малоизвестного мученика и героя – Никифоров, канонир 6-й батареи 19-й бригады!» [27, с.148–149].

Там, где речь идет о ходе боевых действий, основное внимание Майер уделяет не ходу боя, а эмоциям и чувствам его участников – от безрассудства до паники и страха. Вот как он видел злобу и ненависть, которую, по его мнению, должен был ощущать обычный текинец: *«Там, где еще утром стояла его кибитка, где он оставил свою молодую жену, всего одиннадцать месяцев тому назад украденную им в Асхабаде, этот перл между красавицами оазиса, подарившую ему месяц тому назад славную девочку с быстрыми глазенками, там находит он куски решеток от кибитки, полусгоревшие ковры, громадную лужу крови и разбросанные останки дорогих ему существ. И все это наделал “огненный змей”, брошенный сюда “белыми рубахами”. Он оборачивается на восток, губы его что-то шепчут, воспаленные глаза мечут молнии – он дает Аллаху обет в эту же ночь отомстить гяурам! И вот ... смертельная ненависть заставляет громко, громко стучать его сердце. Горе тебе будет, солдатик, если прозеваешь врага. Образ жены и дочери, убитых твоими, сделали текинца беспощадным, и его шайка одним ударом разрубит тебя до пояса» [27, с.182–183].*

Очень образно, на нескольких страницах, описал он свои чувства, включая мысли о скорой смерти, испытанные в день штурма Геок-Тепе, когда он, тяжело раненый, находился на грани жизни и смерти [27, с.253–254, 256–258]. Очень тонко он передал стоны и страдания других раненых и умирающих сослуживцев – графа Орлова, прапорщиков Усачёва и Каширина и прочих, чьих имен он не знал или не помнил [27, с.255–258].

Завершается книга Майера очень трогательными словами, занявшими целую страницу, посвященными сестрам милосердия, которые вернули его к жизни после тяжелого ранения. В то время как *«вино льется рекой – войска пируют! Маркитанты-армяне больше всего в барышах от победы – десятки и сотни ценных вещей, в особенности ковров, приобретено за несколько бутылок водки. Уцелевшие офицеры мечтают о наградах»,* рядом находятся *«две сестры милосердия»,* с которыми *«является успокоение для несчастных раненых».* Вот фрагменты теплых слов Майера, адресованных им:

«Заботливая, нежная женская рука поправляет умирающему подушку, и его душа отлетает в то время, когда уста посылают благословение этому существу, облегчившему последнюю минуту расставания со страдальческой жизнью».

«Лежит раненый. С ангельской осторожностью и заботливостью сестра подымает ему голову, и струя прохладной освежающей воды с

вином льется ему в горло. Дрожащим голосом, еле слышным, говорит он: "Спасибо, сестрица". Холодящая рука едва приметно пожимает руку сестрице, и для нее, для этой чистой души, полной бескорыстия, эта благодарность стоит всякой другой.

«Вам, лучшие самоотверженнейшие из русских женщин, обязан я жизнью, обязан больше чем жизнью – облегчением мучительных, нечеловеческих страданий, и вам посвящаю последние строки моих воспоминаний, переполненных сценами кровавой борьбы, среди которой вы явились воплощенной идеей самопожертвования на пользу страждущих людей» [27, с.260–261].

Советский историк Л.Г. Левтеева назвала книгу Майера «одним из интересных источников второй ахалтекинской экспедиции» благодаря ее «непритязательности и простоте в изложении» [25, с.32].

Александр Васильевич Верещагин (1850–1909) родился в семье череповецкого предводителя дворянства Василия Васильевича Верещагина. Александр доводился братом известному художнику-баталисту. Все пятеро его братьев в свое время получили военное образование, но при этом, кроме него, в армии надолго никто не задержался, если не считать одного из них (Сергея), погибшего в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Вскоре после окончания Николаевского кавалерийского училища, он тоже вышел в отставку, но добровольно вернулся в строй с началом Русско-турецкой войны, продолжив службу в качестве офицера Терского казачьего войска. Поправившись после полученного ранения, принял участие в Ахалтекинской кампании, через год после которой вновь вышел в отставку, и вновь, спустя еще 12 лет, вернулся в армию.

Он, как и Майер, описал свое участие в Ахалтекинской экспедиции через серию отдельных рассказов. Но если у Майера это – обычные очерки, то у Верещагина это – именно рассказы, коим присущи все характерные черты произведений художественной литературы, хотя и основанные на реальных событиях. Причем, Ахалтекинской кампании автор уделил только часть своей книги, к тому же не самую большую. В книге Верещагина собраны различные истории из жизни ее автора, как связанные с его военной службой, так и не имеющие к ней никакого отношения [7].

Книга состоит из двух частей, причем, военной тематике посвящена ее первая часть, которая в свою очередь имеет два раздела – «За Дунаем» (о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) и «В Ахал-теке». В общей сложности оба раздела содержат девятнадцать рассказов, десять из которых относятся к первому разделу и девять – ко второму.

Во вторую часть книги включены такие рассказы, как «Каникулы», «Деревенский праздник», «Стерлядка», «Тросточка», «Из записок оценщика», «В гостях у князя Кунгурова», «Нефтяное отопление», «Мое знакомство с литераторами» и другие (всего 15), названия которых наглядно свидетельствуют, что с военной тематикой они никак не связаны.

Первый рассказ об Ахалтекинской кампании носит название «Воны умёрлы» [7, с.83–88], что в переводе с кубанского «суржика» означает «они умерли». В данном рассказе кубанский сотник Бабич поведал одну из историй своих подопечных, чью цитату Верещагин разместил в заглавии рассказа. В рассказе «Прогулка» [7, с.88–92] Верещагин поведал, как Скобелев приказал офицерам, ехавшим с ним через кукурузное поле, рубить кукурузу, и как неудачно был выполнен приказ генерала: один отрубил своей лошади ухо, другой – оба, третий поранил себе колено. Все это вызвало у Скобелева смех, и он, обращаясь к одному из офицеров, шутя запретил ему по возвращении в лагерь менять свою «корноухую» лошадь. Юмористическим кажется и рассказ «Казначей» [7, с.92–96], посвященный тому, как даже сам Скобелев никак не мог разбудить казначея Пушкарёва. Рассказ о том, как его автору и сотнику Бабичу было приказано впервые побыть в роли адвокатов в судебном процессе над текинцами, обвиненными в шпионаже, Верещагин назвал «Защитники» [7, с.96–99]. Но выступить в качестве «защитников» ни сотнику, ни войсковому старшине не удалось из-за бегства обвиняемых. В этом рассказе автор решил посмеяться над из рук вон плохо организованным судебным процессом.

Рассказы Верещагина об Ахалтекинской кампании – это не только смешные моменты, запечатленные автором. В них описываются и серьезные события, о чем свидетельствуют названия рассказов: «Рекогносцировка Геок-тепе», «Штурм Геок-тепе» или «После штурма».

Но и эти рассказы Верещагина часто сопровождаются, если не юмором, то ироничными и саркастичными строками. Вот как описан взрыв фрагмента стены Геок-Тепе, который автор рассказа наблюдал лично: *«Взорам нашим представляется громадный темный столб дыма и огня, перемешанный с песком. Столб этот взвивается все выше и выше, причем, почти на самой вершине его я отчетливо вижу человеческую фигуру в сидячем положении, как бы намеревающуюся улететь за облака. Картина эта удивительно напомнила мне лубочное изображение – поднятие Еноха живым на небо»* [7, с.135]. Трагичному, по сути, фрагменту гибели людей (пусть и врагов) автор смог придать шутливый тон.

С иронией он описал и преследование противника, бегущего из крепости вместе со своими семьями: *«Позади драгун и казаков, остается такая же черная узкая полоса людей, но уже не живых, а мертвых. Только женщин да детей щадят. Первые, желая спасти своих мужей, пытаются прикрывать их своими юбками. Но и это не помогает. Гяуры догадались: срывают юбки – и безжалостная шапка отделяет голову притаившегося от трепещущего туловища»* [7, с.137].

Без особого трагизма Верещагин описал ужасное зрелище, которое представляла собой поверженная текинская крепость, где на каждом шагу валялись не только окровавленные трупы врагов, но и отрубленные части их тел, уже издающие сильный смрад. Причем, все это наблюдалось не только на улицах, но и внутри юрт. По данным Верещагина, после взятия

Геок-Тепе Скобелев временно назначил его комендантом половины крепости, хотя, по данным Гродекова, комендантом был назначен полковник Арцишевский, а Верещагин – его заместителем [13, с.2]. Видимо, Гродеков что-то спутал; Верещагину не было смысла обманывать читателей в таком непринципиальном вопросе. В любом смысле, ему досталась ответственная должность, и он приказал своим подчиненным выбрать ему приличную юрту, в которой бы не было трупов. Найти таковую удалось с большим трудом, и, расположившись в ней, уставший Верещагин быстро уснул, но потом проснулся от запаха крови, коей был пропитан ковер [7, с.138–140].

Столь мрачных описаний более нет ни у кого из авторов – участников штурма. Как и описаний разграбления крепости, разрешение на которое дал Скобелев, правда, ограничив его тремя днями. Но и через три дня Верещагину не удавалось прекратить мародерства «вошедших во вкус» солдат и казаков. Разрешение Скобелева автор счел правильным, ибо, по его мнению, генерал знает, как проводить «*умиротворение здешнего края*» [6, с.143].

Верещагин явно не испытывал жалости к врагу, в том числе, к врагу уже поверженному. Описывая атаку вражеской конницы, он назвал атакующих текинцев «*скопищем кровожадных зверей в образе человеческого*» [7, с.109]. И все же позицию автора можно понять, если знать, что текинцы регулярно демонстрировали примеры настоящих зверств, проявлявшихся, например, в издевательствах над пленными или в истязаниях раненых.

Константин Константинович Гейнс (1831 – после 1905) был сыном гречанки и остзейского немца, генерала Константина Карловича Гейнса. В 1857–1864 гг. участвовал в Кавказской войне, пройдя за это время путь от подпоручика до штабс-капитана. Дальнейшую службу проходил в артиллерии. Участвовал в Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг., будучи в чине полковника. После гибели начальника артиллерии правифланговых траншей, князя Д.О. Мамацева (Мамацашвили), убитого в ходе вылазки текинцев, выполнял его функции. Продолжил службу в артиллерии, закончив ее в чине генерал-майора. Автор ряда работ о военных событиях, в которых сам принимал участие: о Кавказской (1817–1864 гг.) и Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войнах, об Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг. [8]. Последняя из указанных работ сначала вышла в виде одноименной большой статьи, публиковавшейся в 1882 г. в шести номерах «Военного сборника» (№№6, 7, 8, 9, 10, 11), затем – в виде небольшой брошюры.

Эта брошюра включает в себя восемь небольших глав, в каждой из которых отражен определенный этап той кампании.

В первой главе рассказывается о событиях конца ноября – середины декабря, а именно – от сбора войск в Егян-Батыр-кале (Самурском укреплении) до рекогносцировки Янги-калы 18 декабря. При этом в самом начале главы автор поместил описание особенностей Ахалтекинского оазиса.

Вторая глава повествует о событиях нескольких дней – с 20 по 23 декабря (от штурма Янги-калы до гибели генерала Петрусевича и начала осадных (траншейных) работ).

События еще нескольких дней (24–27 декабря) описаны в третьей главе. В основном речь в ней идет о ходе осадных работ.

Четвертая глава начинается с трагических событий, коими завершилась для русских ночная текинская вылазка в ночь с 27 на 28 декабря. Далее – о мерах, принятых после того события и последующих столкновений. Глава заканчивается наступлением нового 1881 года.

В пятой главе сообщается о непосредственной подготовке к штурму, о производстве необходимых для взрыва стены замеров. Отмечена и последняя вылазка текинцев, закончившаяся неудачно для них.

С рытья траншеи начинается шестая глава, и завершается оно ночью с 11 на 12 число, прошедшей в ожидании штурма, который по определенным причинам был перенесен с 10 на 12 января. Также в главе показаны планы и действия по размещению войск и артиллерии в преддверии штурма.

Ход штурма описан в седьмой главе. Особое внимание уделено действиям полковника Гайдарова. Описание событий штурма, как и у всех прочих авторов, начинается со взрыва стены и заканчивается захватом холма Денгиль-Тепе.

В восьмой главе рассказывается о преследовании бегущего противника, покинувшего крепость, и о последующих событиях 12–13 января – захвате трофеев и торговле ими, о понесенных потерях, о параде победителей, на котором их поздравил начальник отряда генерал-адъютант М.Д. Скобелев, а также немного о самом Скобелеве.

Все авторы упоминают текинские калы, даже не поясняя – что это такое. Некоторые просто указывают, что это небольшие укрепления. Но только Гейнс подробно описал их внешний и внутренний вид (*«род редутов, огороженных тонкими стенами, доходящими до трех, а иногда и более аршин высоты и слепленных из глины, о которую в этом виде плющатся свинцовые пули, а для флангового обстреливания фасов пристроены круглые башни к углам либо диагонально противоположным, либо ко всем четырем. Внутри каждой калы находится редюит. Рвы вокруг укреплений встречались не всегда; зубцы же на стенах, которыми в нашей иллюстрации постоянно украшаются фантастические укрепления текинцев, не существуют ни на одном укреплении»*) [8, с.2].

Также Гейнс привел много интересных фрагментов деятельности Майера, о которых даже он сам не рассказывал. В частности, о том, что Скобелев *«гардемарину Майеру, вызвавшемуся охотником, приказал в эту же ночь, подкравшись к стене, заложить динамитный патрон, и взрывом увеличить осыпь»*. Но когда сделать это под покровом темноты не удалось, *«гардемарин с досадою должен был отказаться оттого, чего желал сам, и чего ждали в траншеях»* [8, с.61].

«Что же касается для землекопных и других работ, которые и составляли самую энергическую часть нашей деятельности, то они были копиями той же хлопотни, которая кипела и в прошлые дни только в Охотничьей кале, в том углу, который занимали саперные офицеры; шли занятия, знаменующие финал осады: перебирались открытые шкатулки, чистились медные пластинки, и снова собирались в вольтовы столбы – подготавливались приборы для взрывов» [8, с.63].

Описан и другой случай. Когда в ходе мощного артобстрела удалось повредить часть стены Геок-Тепе, текинцы попытались ее «исправить», и тогда команда охотников, которую возглавили *«поручик железнодорожного батальона Остолопов и гардемарин Майер, взявшись взрывами усилить осыпь исправленной текинцами стены и ... скоро спустились в ров, начали подкапываться под осыпь, заложили и зажгли патроны. Раздалось два негромких взрыва и “ура”, радостно загремевшее в ответ на удачу» [7, с.67].*

Рассказывая о замерах, Гейнс, как и большинство авторов, упоминает сотника Кунаковскова, правда, сообщает только об одной такой акции, а не о двух, как некоторые: *«В эту ночь решено было начать минную галерею, отметили оставалось узнать расстояние от крепости и измерить ров; вызвали для этого охотников; сотник Уральского казачьего войска Кунаковский и унтер-офицер Туркестанского линейного батальона Константинов взялись исполнить желаемое и вышли из редута» [7, с.52].*

Гейнс лично наблюдал и то, как был ранен Майер (*«упал шедший впереди колонны подполковник граф Орлов-Денисов, пораженный двумя пулями, вблизи виднелся с лицом, залитым кровью, гардемарин Майер, бежавший впереди с охотниками» [7, с.72].*

Покинувших крепость бегущих текинцев русские жестоко истребляли поголовно, но такие действия Гейнс счел абсолютно правильными: *«Особенно настойчивое преследование разбитого неприятеля считается вообще необходимостью, а при покорении азиатских племен, в особенности текинцев, имевших в 1879 году успех над нашими войсками, по мнению большинства, необходимо было такое поражение, чтобы ужас, наведенный на них, с корнем вырвал из их памяти прошлогоднюю удачу при столкновении с нами» [7, с.77].* Как и право поживиться за счет захваченных трофеев: *«Дозволение, данное войскам, забирать все оставленное текинцами» привело к тому, что «наши стали вытаскивать оттуда все, что попадалось под руку, и в скором времени обширная внутренность крепости запестрела грудами хлопка, не отделенного еще от плода, ненужною оборванною одеждою, шубами, кошмами, одеялами всех цветов, и другую разнородную рухлядь; лужи крови и трупы словно исчезли среди этих разноцветных ворохов» [7, с.79].*

Поначалу текинские женщины думали, что русские истребят вместе с мужчинами и их с их детьми, как это в те годы было принято у них и их

соседей, однако *«скоро поняли они, что им не угрожает смерть, и что насилие над женщинами у нас считается преступлением»* [7, с.79–80].

В отличие от нижних чинов, офицеры не занимались грабежами, поэтому они *«были единственными покупателями»* захваченного солдатами, а потому *«не было солдата, который бы в час не выручал около двадцати пяти рублей»*. При этом в качестве товара выступали *«ковры, серебряные убранства для лошадей и к женским костюмам, парадные мужские и женские халаты, шелковые материи туземного производства, ковровые попоны, чепраки, седла и т.п.»* [8, с.80].

Как известно, на пути русского отряда, двигавшегося к Геок-Тепе вплоть до Янги-калы, попадались безлюдные аулы, брошенные жителями, пожелавшими укрыться в Геок-Тепе. Такую тактику Гейнс не считал умной. *«Не входя в рассуждение всей нелепости плана текинцев – запереться в большую коробку Денгли-тепе и, сидя в ней, дать нам генеральное сражение, рискуя, в случае, если победа останется на стороне осаждающего, нанести смертельный удар всему населению, нельзя не сказать несколько слов о выбранной текинцами позиции»*, – писал он [8, с.8].

Хотя текст брошюры Гейнса написан не таким образно-литературным языком, как у Майера или Верещагина, подобные их стилю фрагменты иногда можно встретить и у Гейнса. Например, вот одно из описаний ахалтекинских пейзажей: *«Горы, благодаря общему свойству их менять свой вид в зависимости от изменения освещения и температуры, и здесь своею декоративностью значительно изменяют безотрадный вид песков: красив бывает Копетдаг, когда безлесные скаты его, изрезаны бесчисленным количеством промоин, яркими и темными змееобразными полосами, пестро разрисовываются по серо-бурому глинистому фону; еще красивее, когда, при закате солнца, он одевается в фиолетовую и голубую мглу, когда сквозь редкий туман и в лунную ночь красуются слабые силуэты его вершин, когда зимними снегами окаймляется только его хребет и гряда гор белой извилистой чертой ярко отделяется от темно-голубого неба иди, выглядывает из густых спустившихся облаков»* [8, с.1–2].

Александр Лазаревич Гуляев (1845–1906) начинает свой рассказ с того, что его 2-й Уральский казачий полк был дислоцирован в Самарканде. Это начало его книги [14]. Трем сотням этого полка в начале мая 1880 г. было приказано во главе с подполковником¹ Гуляевым выступить в Петро-Александровск для усиления гарнизона. Рассказ Гуляева о пути

¹ Тогда чин подполковника был следующим после чина войскового старшины в казачьих частях, и следующим после майора – в частях «регулярных». В 1884 г. в регулярной армии был упразднен чин майора, а в казачьих войсках – чин подполковника. Капитаны становились подполковниками, минуя майорский чин, а чин войскового старшины сохранился, но стал приравниваться к армейскому подполковнику.

следования похож на рассказ «Муравцева», хотя и не так подробен. Зато у Гуляева много интересных фрагментов, отсутствующих у других авторов.

Например, встреча с бухарцами, посланными эмиром для помощи русским [14, с.6–9]. Адьютант эмира («удайчи») передал, что правитель *«выслал их проводить русский отряд и оказать всякое содействие, что они высоко уважают русских и что они, приближенные эмира, счастливы, что выпал на них приятный жребий – быть при русском отряде»* [14, с.7]. На привале русских ждало «обильное угощение». *«Бухарцы в походе помогли нам весьма усердно»*, – писал Гуляев [14, с.8].

Еще более интересен рассказ о прибытии в Петро-Александровск. По словам Гуляева, там его люди *«встретили массу наших ссыльных казаков, у которых в рядах дивизиона было немало родственников»*. Не ожидая команд, две женщины *«чуть не стащили с седла одного молодого казака»* [14, с.12]. Как оказалось, это был их сын и племянник, которого они не надеялись когда-либо увидеть. *«Петро-Александровские жители ждали нас с нетерпением... Расспросам о дороге не было конца»*, – вспоминал Гуляев [14, с.12–13]. Встрече с земляками он уделил 7 страниц [14, с.12–18].

Ссылные были уральскими казаками, не принявшими новое положение об устройстве Уральского войска (1874 г.), вводившееся в рамках военной реформы. На родине их звали «уходцами». Первые три года жизни на чужбине были тяжкими; к ним относились как к бунтовщикам, но потом, благодаря Н.Г. Черняеву, знавшему уральцев по службе, отношение изменилось в лучшую сторону. Большую статью им посвятил «Сандр» [35] (А.В. Тавасштерна). Он отмечал, что к тому времени их быт налажился настолько, что уходец *«и на Дарье чувствует себя как на родине»* [35, с.29], что они *«могут называться первым русским купечеством в этой азиатской окраине»* [35, с.30]. Основным их занятием, как и прежде, стало рыболовство (*«облюбовали родной им рыбный промысел»*), а их наемными работниками становились даже «туземцы» [35, с.29]. Но, по словам самих уходцев, жизнь их была не столь отрадной. Их пытались заставить заниматься земледелием, хотя земля там для этого была малопригодна, а большинство их и на родине этим не занимались. Во-вторых, в Амударье и Арале рыбы не так много, как на Урале и Каспии. К тому же есть проблемы с ее хранением [14, с.18]. И все же Гуляев признал, что земляки *«ловили рыбу и занимались торговлей арбузами и другими овощами, покупая их оптом у сартов и продавая с барышом в розницу»* [14, с.16–17].

Гуляев показал состав Петро-Александровского гарнизона, но половина его тогда сопровождала научную экспедицию генерала Глуховского [14, с.13–14, 19]. В гарнизонном лагере (7 верст от Петро-Александровска) расположился дивизион, а поселок уходцев был в 12 верстах от него [14, с.14–15]. Так что Сандр был прав, указав, что «Уральский поселок» лежит в 19 верстах от Петро-Александровска [35, с.26].

Дивизион Гуляева 8 июля в полном составе отправился в Уральский поселок. *«День был праздничный, и все население встретило нас очень*

радушно: когда дивизион на площади поселка спешился, и людям дано вольно, то поселяне разобрали к себе по домам всех казаков», – вспоминал Гуляев [14, с.15].

Полюбился уходцам и врач Владимир Лосев, прикомандированный к дивизиону Гуляева. Им не хотелось верить, что он не уральский казак [14, с.17].

Сандр отмечал, что поначалу уходцы скрывали свои фамилии, и даже не селились в отведенных им домах, что не позволяло оренбургскому есаулу Старикову, кому был поручен надзор, *«не только проверить переселенцев по спискам, но даже сделать им предварительный подсчет»* [35, с.26]. К 1880 г. это было уже в прошлом; урядник-оренбуржец, начальник поселка, сказал, что его подопечные уже не скрывают имен, за исключением восьми человек [14, с.15]. И все же отголоски недавних лет сохранились. Урядник сказал, что данные о браках и о рождении детей уходцы по-прежнему скрывают, лишь *«насчет покойничков все верно записано, потому они (поселяне) народ богобоязненный и, Боже упаси, не поставит крест на могиле»*. И в заключение добавил: *«Да что делать... Народ упрямый»* [14, с.15–16].

Вскоре одна сотня Гуляева отбыла в Нукус для замены его гарнизона, а другая сменила оренбургскую для охраны ученой экспедиции. Вместо трех казачьих сотен у Гуляева остались две – уральская и оренбургская [14, с.19].

В октябре стали поступать сведения об активизации текинских набегов, в связи с чем поступил приказ срочно сформировать отряд из трех пехотных рот, сводного (уральско-оренбургского) казачьего дивизиона при орудиях и ракетных станках с их прислугой. Отряду присвоили название «Туркестанский действующий», а его начальником назначили полковника Куропаткина, который вскоре должен был прибыть. Отряд выступил 9 ноября. Поначалу в нем было лишь 2 роты пехоты (третья присоединилась позже), зато при нем были музыканты [14, с.20–22].

Особенностью книги, как следует из ее названия, стало повышенное внимание автора, потомственного уральского казака, к своим землякам из его дивизиона. Он поименно назвал погибших и раненых, отличившихся и представленных к наградам, уделив особое внимание их словам и действиям.

И тут надо вернуться к сотнику Кунаковскому, чей подвиг был описан и другими авторами. Его смелые действия Гуляев упоминал не раз: конная разведка, благодаря которой удалось избежать «дружественного огня», смелая конная атака [14, с.29, 38].

Под покровом темноты сотник разведал расстояние до крепости, глубину и ширину рва для рытья подземной траншеи, закладки пороха и производства взрыва стены.

Подвиг этот отметили многие авторы, но присутствуют расхождения. Согласно Гуляеву, Кунаковсков трижды ходил к стенам крепости, делая

измерения, за что Гуляеву было поручено подготовить наградный лист для представления сотника к ордену Св. Георгия. Гуляев утверждал, что помощниками были унтер-офицер Константинов и уральский казак Тетиков [14, с.56–57].

Гродеков оценил действия сотника скромнее. После его гибели генерал отметил, что, если б тот выжил, имел бы право на «Георгия» (*«Кунаковский, заслуживший 5 января право на Георгиевский крест [12, с.285]»*), но, согласно Гуляеву, представление было свершившимся фактом. Кроме того, Гродеков сообщил, что замеры не были окончательными; то же повторил капитан Гетшель с помощниками, так как Скобелев требовал перепроверки [12, с.270–272]. Также Гродеков уточнил, что сотник делал замеры дважды: сначала с унтер-офицером, потом с казаком, но Гуляев, упомянув помощников, не уточнил, кто из них и когда был с сотником. Также Гродеков пишет: *«На случай необходимости выручить Кунаковского Куропаткин приготовил команду в 25 человек, готовую броситься вперед»*, что *«отборные стрелки из Ширванского редута на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими»* [12, с.259].

Куропаткин полагал, что Кунаковский делал замеры только один раз, и сразу с тремя помощниками: *«Кунаковский, с тремя нижними чинами, измерил благополучно расстояние до рва крепости»* [24, с.187]. «Муравцев» тоже пишет, что Кунаковский совершал замеры *«с тремя спутниками»*, при этом не упоминает о двух выходах. По его утверждению, *«Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев пали героями»* [23, с.292]. То есть сотник не был представлен к ордену, а только заслужил право на него. Кстати, Соболев, был не убит, а смертельно ранен и умер чуть позже.

Гуляев подробно описал гибель земляка, заметив, что тот был ранен в ногу, но продолжил сражаться, пока не получил две пули в грудь, одна из которых стала смертельной [14, с.64, 66, №48 в «Комментариях»].

Самым подробным стал рассказ Маслова. Лишь у него можно найти описание самого Кунаковского, тогда как до сих пор никаких подробностей о нем (даже имени и отчества) установить не удалось. Поскольку Маслов и Рутковский руководили взрывными работами, они не могли не быть знакомы с Кунаковским. Вот какое описание оставил Маслов: *«Это был молодой человек среднего роста, плотный, с окладистой бородой, всегда веселый, и почти всегда слегка подшофе»*. Далее: *«Как природный уралец, он имел тот оттенок казачьего офицера, который приходится встречать по станицам»*. В отличие от многих командиров оренбургских и кубанских казаков, сотник был истым, природным уральским казаком, сросшимся со своей общиной, а потому любил по-свойски общаться с подопечными, *«толкую о рыбной ловле, об охоте, или рассказывая сказки о разбойниках и атаманах»* [32, с.102]. Маслов пишет, что уральский сотник, узнав, что точность *«плана, снятого топографом»* бы-

ла не точной, *«взялся измерить расстояние до рва, и, получив на это согласие Куропаткина, прополз туда вечером с двумя казаками»*. К счастью, ров был пуст, но *«на обратном пути его заметили, и сделали по нем несколько выстрелов»*. На вопрос: *«С кем Вы ходили?»*, он ответил: *«С моими же уральцами»*. На вопрос об оренбуржцах он пояснил, что те не пошли, *«потому что они какие-то никудашники»* [32, с.102–103]. Маслов заступился за оренбургских казаков, пояснив, что они тоже молодцы, просто их не приглашали, сославшись на амбиции уральцев [32, с.103].

Таким образом, установить все подробности действий сотника уральца уже не представляется возможным. Сколько раз он делал замеры? Один, два или три? Сколько с ним было человек? Кем они были? Бегом или ползком они добирались до рва? Огонь по ним велся постоянно или лишь на обратном пути? Он сразу же был представлен к награде, или это было только в планах? Авторы придерживаются разных мнений, но никаких более точных данных нет. Очевидно одно: замеры сотник сделал, и помощники у него были. И тут интересен один момент. *«Кунаковский, между тем, так разохотился ходить к текинцам, что целый вечер приставал к Куропаткину с просьбою, чтобы тот ему разрешил перелезть через стену и осмотреть внутренность укрепления, на что, впрочем, согласия не получил»*, – пишет Маслов, пояснив, что, вернувшись в редут, сотник на радостях выпил [32, с.103]. Так ли это было – неизвестно. Возможно, из-за этого его желания кто-то решил, что замеры производились дважды? Но у Маслова не было причин для обмана; он мог что-то забыть или перепутать, он, скорее всего, верно показал психологический портрет сотника. Можно уверенно сказать, что молодой казак-офицер был весельчак-балагур и был не прочь выпить. Трезвый или не очень, он всегда был готов на безрассудные и смелые поступки. Несмотря на то, что ему и его полусотне во время штурма было приказано находиться в резерве, он не смог удержаться, и с обвалом стены после взрыва устремился в атаку, но почти сразу же был убит.

Как отмечено выше, всех своих земляков, убитых, раненых и умерших от ран, Гуляев назвал поименно: казаки Лоскутов, Джалдыбаков, Кулагин, Горшков, Темнов, Домашнев, Чуданов, Коновалов, Сармин, Щапов, Тетиков, Жагулин, Соболев, Повольнов, Калинин, Курилин, Краснов, приказный Агафонов, урядник Жерехов, вахмистр Макаров, фельдшер-казак Калентьев [14, с.43, 51, 55, 56, 58, 61, 68–69, 70].

Трогательно звучат слова Гуляева о посещении смертельно раненых казаков – Джалдыбакова, Сармина и Соболева. Никто не впал в отчаяние, все смирились со своей судьбой, но держались с достоинством. Джалдыбаков сказал, что в его роду все уклонялись от службы (видимо, нанимая вместо себя «охотников»), но он сполна выплатил их долг (смертельная рана была не первым его ранением). Соболев *«сиял от удовольствия»*, глядя на выданный ему крест. По поводу своей трагедии он философски заметил, что *«кому-то нужно быть и убитым»*. И добавил: *«Зато*

вон мы какую крепость взяли». Сармин сожалел лишь о том, что «*мало послужил царю»* [14, с.71].

Завершая повествование о взятии Геок-Тепе, Гуляев приводит слова, произнесенные Куропаткиным в адрес его земляков: «*Зная вашу храбрость и потери до штурма, я желал побережь вас и потому назначил вас при штурме в резерв. Но вы угодили в опасность по своей охоте. Еще раз спасибо за храбрость, братцы-уральцы»* [14, с.69]. Похвалил их и Скобелев [14, с.70]. И «Муравцев» отметил: «*Казаки подполковника Гуляева, как и всегда, тоже действовали молодцами. В особенности можно было любоваться уральцами по присущей им способности к одиночному бою, сметливости и лихости»* [23, с.297].

Петр Петрович Калитин (1853–1927) был младшим братом Павла Калитина, подполковника, погибшего на Балканах в 1877 г. Ранее старший брат проходил службу в Средней Азии. В 1871 г. Павел командовал одной из рот 1-го Туркестанского стрелкового батальона, куда в качестве «вольноопределяющегося» зачислили и его младшего брата, исключенного из Нижегородского кадетского корпуса за нарушение дисциплины. Вместе со своим старшим братом он участвовал в Хивинской кампании 1873 г., а в следующем году был произведен в прапорщики. В 1875–1876 гг. он участвовал в подавлении Кокандского восстания, после чего был произведен в подпоручики, а в 1878 г. – в поручики. В этом же чине он принял участие в Ахалтекинской кампании, во время которой получил контузию, а после ее завершения ему был присвоен чин штабс-капитана. До 1899 г. его дальнейшая служба проходила в Средней Азии, после чего он служил на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Сегодня останки генерал-лейтенанта Калитина покоятся на известном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Поручик 1-го Туркестанского стрелкового батальона Петр Калитин, как и Гуляев, во время Ахалтекинской кампании состоял в Туркестанском отряде Куропаткина. Спустя почти десятилетие по завершении этой кампании он посвятил ей большую статью в «Русском вестнике» [18].

До того, как соединиться с «кавказцами», Калитин, на всем пути своего отряда много общался с Гуляевым, а потому много узнал у него об уральских казаках, их истории и традициях. Кроме того, он оставил интересные описания своего собеседника, его поведения и привычек [18, с.95–96]. Заслужили внимание Калитина и другие уральские казаки, например, урядник Чеботарёв и приказной Лукин [18, с.90–94, 105].

Благодаря Гуляеву, Калитин проникся симпатией к землякам подполковника, наделил их в своей статье лестными характеристиками, часто сравнивая уральскую сотню с оренбургской, отдавая первенство уральской по всем показателям. Он отмечал, что оренбуржцы – это сплошь молодые ребята, многие из которых пока еще «не нюхали пороху», тогда как уральцы – сплошь добровольцы, уже имеющие богатый боевой опыт, в основной массе – участники недавней войны с Османской империей, в большинстве

своем – обладатели Георгиевских крестов. Кроме того, если у оренбуржцев все казенное, то у уральцев все свое, включая лошадей [18, с.91].

Калитин заметил, что у уральских казаков еда всегда вкуснее, чем у других участников похода, во время трапезы у них всегда можно обнаружить что-то, чего нет у других. Среди бочек с водой, выданных уральцам перед сложным пустынным переходом, еще до его начала могут оказаться пустые, поскольку в них *«вода ушла через верхнее дно бочки»*. Ну а *«бутылки с водкою, отданные на сохранение сынам Урала, всегда оказываются пролитыми или разбитыми»* [18, с.105–107]. Но, несмотря на все это, и понимая, что уральские казаки – главные пройдохи в отряде, начальство прощало подобные выходки, так как ценил их за прочие достоинства. *«Начальство в походе особенно любит иметь при себе уральцев»*, – пишет Калитин. И поясняет – почему: потому что они *«развитые, умные и смысленные от природы»*. Более того, *«уральцы в течение веков, живя бок о бок с номадами, ведя с ними непрерывную войну, и производя малые и большие степные набеги, усвоили себе их привычки и сноровки, и сделались незаменимыми в степных походах»*. Оренбуржцев же Калитин назвал *«противоположностью уральцам»*, ибо *«опытности и сноровки уральцев у них нет»*, да и вообще, в отличие от уральцев, потомков *«вольного люда, когда-то заброшенного на Урал»*, оренбуржцы, в массе своей – *«крестьяне-пахари, переименованные в казаки»* [18, с.105].

Калитин заметил, что уральцам хорошо известны все их собственные достоинства, а потому они *«считают себя умнее и выше всех на свете; в словах уральца, когда он говорит с вами, всегда проскальзывает некоторая ирония и сарказм, приправленные их природным юмором»* [18, с.104–105].

У Калитина можно найти художественные описания природы, совсем не характерные для военных рапортов и донесений. Пример: *«Когда мы выходили из Ташкента, в воздухе еще чувствовалась прохладная свежесть и аромат цветущих садов. Все степи были покрыты яркою молодою зеленью. И издали казались сплошным, роскошным ковром, усеянным множеством разнообразных цветов»* [18, с.79].

Николай Николаевич Сполатбог (1847–1888), участник Ахалтекинской кампании, посвятил ей небольшую, но ценную брошюру, вышедшую спустя три года после той кампании [36].

Повествование начинается с неудачной кампании 1879 г. Если другие авторы, упоминавшие ее, сообщают лишь о движении русских войск и о ходе боевых действий, то Сполатбог отметил ряд важных деталей, которых у них нет. Например, что укрепления вокруг холма Денгиль-Тепе до 1879 г. не существовало. Что позже оно было названо Геок-Тепе вместо одноименного укрепления, расположенного неподалеку, ставшего старым Геок-Тепе. Дело в том, что старая крепость, во-первых, была небольшой, и, во-вторых, в случае осады, от нее можно было отвести воду, а близ холма имелись полноводные колодцы [36, с.2].

Кроме того, рассказы многих авторов о том, что холм Денгиль-Тепе текинцы считали священным, не соответствуют действительности. Это более позднее явление. Как и когда он возник, текинцы не знали, а если кто-то что-то и знал, то только персидское племя «гемерали», жившее там до текинцев [36, с.2].

Также Сполатбог сообщил, что для того, чтобы оттянуть время для сооружения в короткий срок мощной крепости и стягивания туда защитников из разных частей оазиса, было решено направить к русским делегацию Сафи-хана и Тыкма-сардара. [36, с.1]. Вернулись в крепость они после ухода русских, при которых находились, что дало повод заподозрить их в измене [36, с.4], а согласно текинским порядкам, если текинец будет уличен в предательстве, его надо убить, родственников изгнать из племени, а их имущество разграбить [36, с.8]. Чтобы оправдаться, Тыкма-сардар обещал показать, как храбро он будет драться с русскими, нападая на их гарнизоны и «транспорты», чем и занялся в ближайшее время [36, с.7].

В 1879 г., с приходом русских, строительство нового Геок-Тепе не было завершено, отдельные его места были плохо защищены [36, с.2]. Также текинцы не успели оборудовать подземные укрытия для защиты от обстрелов, поэтому в первый день осады от ударов артиллерии погибло много людей, особенно женщин и детей. Был смертельно ранен и Берды-Мурад-хан, после которого оборону возглавил Ораз-Махмед-хан [36, с.3]. После ухода русских в 1879 г. новая крепость была окончательно достроена [36, с.3–4].

Сполатбог повсеместно приводит перечисление имен представителей текинской знати, сведения об их деятельности и внешности, в некоторых случаях представлены даже их краткие биографии, чего нет ни у кого из других авторов. Вот, например, его строки об одном из текинцев: «*Нур-Верды-хан из племени Векиль, родился в Мигине в собачьем году, сын богатого человека Доулет-бая. Еще молодым человеком он приобрел уважение народа, как умный, храбрый, справедливый и хлебосольный человек*». Далее следует рассказ о его внешних достоинствах: «*Хан был красив собою, высокого роста, очень сильный, с черной большой бородою*». Затем – рассказ о его женах, аламанах (набегах) и т.п. Все это заняло почти две страницы [36, с.13–14]. Далее Сполатбог продолжил рассказ о прочих представителях знати, хотя и не так подробно (Это: Абдул-Эссен-хан, Берды-Мурад-хан, Хайдар-кули-хан, Ходжа-Гельды-хан, Махмед-Эмин-хан, Кара-Оглан-Он-Беги-хан, Джаян-Дурды-сардар, Оваз-Дурды-сардар, Карача-сардар, Ак-Мамед-сардар, Саалих-сардар, Эвас-Саалих-сардар и др.) [36, с.14–17].

Рассказывая о подготовке к войне с русскими в 1879 г., Сполатбог перечислил имена участников прошедшего в Асхабаде совета (Нур-Верды-хан, Берды-Мурад-хан, Ораз-Махмед-хан, Курбан-Мурад-ишан и др.) [36, с.1].

В апреле 1880 г. умер Нур-Верды-хан, преемником стал его сын Махтум-кули [36, с.4, 5].

Сполатбог перечислил поименно всех ханов и сардаров, которым была поручена защита стен и которых посылали на вылазки и в конные разведки. При этом, описывая вылазки в конце декабря 1880 г., Сполатбог называет не только имена предводителей (Коджар-Топас-хан, Ох-Верды, Куль-батыр-сардар и др.), но и отличившихся в ходе вылазок. Так, он указал, что знамя Апшеронского полка захватил кипчак Бенгеч [36, с.10], первое русское орудие с несколькими снарядами захватил Мурад-батыр, а за первенство в захвате второго орудия оспаривали Мехмед-Деели и Пулат-Сяки Ашхабадский [36, с.12]. Во время осады огнем артиллерии, наряду с прочими, в крепости был убит Хаджи-Керим-Берды-ишан, почитавшийся как «святой человек» [36, с.11].

Интересно описание Сполатбогом отношений текинцев с персами. С одной стороны, текинцы питали к персам неприязнь. И не только за то, что те были иноверцы (шииты), но и из-за прошлых нашествий на их оазис правителя Хорасана Мирзы-Гейдара, которого они ненавидели. Персов, захваченных в плен, текинцы продавали в Хиве, но, после взятия ее русскими, их держали у себя, причем, в ужасных условиях (колодки, кандалы, связывание по рукам и ногам), а также нередко отдавали в качестве калыма [36, с.21, 23].

После столкновений с русскими, текинцы, не желая иметь лишних врагов, в июле 1880 г. отправили делегацию в Хорасан с обещанием больше не нападать на соседей. Шах поддержал заключенный в Мешхеде договор, о чем уведомил в своем письме [36, с.8–9]. После договора текинцы стали закупать в Персии порох и свинец [36, с.9, 11], а Аббас-хан, курд, персидский подданный и английский агент, прислал письмо Махтум-кули-хану, в котором обещал, что скоро англичане придут на помощь и доставят много нового оружия. Кроме того, он передал в подарок хану (в делегации его не было) револьвер и бинокль [36, с.5, 9]. Помощь Англии также обещал и О'Донован, приехавший к текинцам [36, с.9]. Все эти подробности можно найти только у Сполатбога.

Кроме того, если другие авторы только единожды указывают число обитателей и защитников Геок-Тепе, то Сполатбог показал, как это количество выросло за период с июня по декабрь 1880 г.: с 25000 защитников из 18000 семейств до 40000 защитников из 25000 семейств за счет новоприбывших [36, с.6, 10].

Все авторы писали о малой доле текинцев, вооруженных огнестрельным оружием, тем более современным, коего было совсем немного. Сполатбог же считает, что ружей старого образца у противника было около 20000 единиц, а берданок (трофейных или купленных) – от 1000 до 1200 [36, с.11], то есть, не так мало, если число защитников он сам определил в 40000. При этом захват берданки в бою (в отличие от ее покупки) давал текинцу право именоваться батыром [36, с.12].

В то время как другие авторы утверждали, что артиллерия, обстреливая внутреннюю часть крепости, наносила огромный урон ее мирному населению, Сполатбог имеет иную точку зрения. Подземные укрытия и крытые траншеи поначалу хорошо защищали текинцев от русской артиллерии, пока обстрел не начали вести мортиры, пробивавшие подземные убежища, и не была захвачена высокая Великокняжеская кала, откуда можно было прицельно обстреливать все, что находилось внутри крепости [36, с.12].

Сполатбог описал текинскую традицию отрубать головы мертвым врагам и выставлять их напоказ, цепляя на шестах как свидетельства своей «храбрости», чему должны были завидовать другие. Такие шесты красовались на стенах крепости около ее защитников, каждому из которых было строго отведено свое место [36, с.12]. Описывая морально-психологические качества текинцев, Сполатбог отметил, что вообще-то у них *«хвастовство слишком развито»* [36, с.22].

Последние восемь страниц книги (треть всего содержания) заняли два отдельных пункта: «Общественное устройство и маслахат» [36, с.17–19] и «Обычаи текинцев» [36, с.19–25]. В первом речь идет о полномочиях хана, о составе и функциях маслахата (ханского совещательного органа), о роли и правах духовенства и аульных старост («яшули»), порядке землеустройства и землепользования, торговле и ремесле. Во втором отмечается наличие патриархата, многоженства, права на убийство неверной жены, права жены на развод при определенных условиях, кровной мести, особенности наследования имущества, права на убийство вора и казни за воровство у соплеменников. Описаны особенности местных свадеб. Кроме обычаев, в том же пункте описаны нравы текинцев [36, с.23] и их представления о России; они знают, что это самая большая страна, но при этом уверены, что русские – это «развращенный и безбожный народ», у которых семьи – формальность, ибо их жены и мужья не считают супружескую неверность чем-то зазорным [36, с.24].

Интересен также рассказ об офицере-предателе Нурове, мусульманине, бежавшем к текинцам, у которых, вероятно, стал любовником одной из жен хана Берды-Мурада, по заказу которого был убит по дороге в Мерв своим спутником Иланчи-Курбаном, сообщившим, что тот якобы куда-то сбежал [36, с.23–24]. У других авторов рассказов об офицерах-изменниках нет.

Автор статьи «Воспоминания об экспедиции в Ахал-теке 1879–1881 гг.», публиковавшийся в ряде номеров журнала «Разведчик» [1; 2; 3; 4], представившийся **«Азотовым»**, как и «Муравцев», предпочел использовать псевдоним вместо своего настоящего имени. Однако выяснить, кто же это был, не так сложно, так как в своей статье он не раз упомянул полковника Алексея Никитича Попова, командира 3-го батальона Апшеронского полка, назвав его своим отцом. Был упомянут и его младший брат Владимир – прапорщик того же полка. Имя свое автор назвал настоящее – **Георгий**. Следовательно, имя автора статьи – **Георгий Алексеевич Попов**.

Рассказ свой он начал с описания основанного на восточном берегу Каспия русского укрепления Дуз-Олум и его гарнизона, где началась его служба в Закаспийском крае, куда он прибыл с Кавказа. Начальником там был престарелый майор Л.Н. Крыжановский, внешность которого автор описал не как его подчиненный, а как настоящий литератор: *«Всегда открытые глаза и постоянная улыбка на губах изобличали его простодушие и прямоту; густые, вьющиеся седые волосы на голове, густая окладистая борода, прямой стан, рост выше среднего и плотное сложение говорили за то, что во времена молодости майор был недурен собой. Поддулял только ... нос, который был широкий, точно сплюснутый, и оканчивался как бы наконечником. Принял такую, нельзя сказать, чтобы некрасивую, но выдающуюся форму, нос Льва Николаевича, как рассказывал он сам, после падения и сильного ушиба в дни юности»* [1, с.971].

Не меньший интерес вызывает описание «Азотовым» друга его отца, князя К.И. Магалова, командира 4-го батальона Апшеронского полка: *«Всегда раздушенный, гладко выбритый, в безукоризненно белом кителе, и всегда в перчатках. В противоположность размашистой, твердой походке Льва Николаевича, князь семенил, точно петушок, своими ножками, которым, кстати сказать, позавидовала бы иная женщина, до того они были малы. Ведя регулярный образ жизни, князь очень хорошо сохранился, и, глядя на него, нельзя никогда было ему дать его пятидесяти лет. Требовательный по службе, в частной жизни он был до чрезвычайности добрейший человек»* [2, с.997].

Поначалу в гарнизоне не знали, куда и когда им предстоит выступить в поход; ситуация прояснилась с прибытием туда «Белого генерала» Скобелева. Лагерная жизнь утомила солдат, и известие о скором походе вызвало у них радостные чувства (*«весть о скором движении вперед, как искра пробежала по гарнизону, вызывая на загорелых лицах солдат улыбки удовольствия»*) [1, с.973–974].

С чувством доброго юмора «Азотов» описал диалоги солдат о текинцах, с которыми им пока еще не приходилось сталкиваться. *«Уж, почитай, целый год слышим о них, а до сих пор и в глаза не видали»*, – говорит один. *«Успеем, брат, насмотреться на их богомерзкой хари. Видал, небось, в Чикишляре туркменов – один черт. Такие же черномазые да длиннополые халатники»*, – вторит ему другой [1, с.974].

С таким же юмором «Азотов» приводит диалоги офицеров, в основном – молодых людей, зачастую общавшихся, используя прозвища: «Копопатый» (Чикарёв), «Носатый» (Попов, брат «Азотова») и т.п. [2, с.997–998].

Смешным кажется и обед в кибитке отца «Азотова», собравшего многих своих офицеров. Текинские пули порой долетали до кибитки, пробивая ее, но уже теряли убойную силу и попросту падали, залетая даже в тарелки гостей. Одна из пуль попала в лоб стоявшему у кибитки конюху

Юсупову, застряв в коже, но не повредив черепа. Тот сперва испугался, но затем засмеялся, назвав пулю «текинским поцелуем» [3, с.1020].

Несмотря на шутливый тон статьи «Азотова», в ней немало трагических моментов. От ран, полученных во время рекогносцировки, скончался брат автора, Владимир Попов [2, с.998]. Во время отчаянной вылазки текинцев погиб и его сослуживец Чикарёв («Конопатый»), и командир батальона князь Константин Иванович Магалов [1, с.998]. В ходе штурма Геок-Тепе получили серьезные ранения отец и сын Поповы – Алексей и Георгий («Азотов»), но, к счастью, обоим удалось выжить [4, с.1044]. Поправив здоровье, в марте они оба, вместе со своими сослуживцами, отбыли морем в Темир-хан-Шуру, где располагался штаб их Апшеронского полка [4, с.1045].

Еще ряд работ либо вообще не имеют авторов, либо вместо авторов были указаны даже не псевдонимы, а только буквы (вероятно, инициалы). В данном случае речь идет об авторе, представившемся как «В.Н.Г.», имя которого установить не удалось. Скорее всего, он тоже был участником тех кампаний, по крайней мере, второй из них. Его статья вышла в двух номерах «Военного сборника» [5; 6] спустя примерно полгода после выхода статьи Черняка о кампании 1879 г., и примерно за полтора года до выхода статьи того же Черняка о кампании 1880–1881 гг. В первом из упомянутых номеров автор рассказал о текинцах, их занятиях и образе жизни, включая набеги на соседей, их укладе и социальной структуре [5, с.205–206]. Далее он обосновывает необходимость военной кампании той опасностью, которую они представляют для России [5, с.207–208]. Затем следует рассказ о подготовке к кампании 1879 г. и ее неудачном завершении. Рассказывая о выдвижении колонн, он называет их командиров, которые в следующей кампании уже не приняли участия. Кроме Н.П. Ломакина, это Н.С. Долгоруков, Ю.А. Борх [5, с.214–215] и другие.

Несмотря на храбрость, лихость и прочие достоинства текинцев, автор считает, что у них нет постоянной армии, а есть лишь «временная организация, созданная только на период войны и бедная внутренней связью», которая, по завершении боевых действий, «разбредается в разные стороны» [5, с.217].

В русском отряде автор по части боевого мастерства и мужества отдал предпочтение иррегулярным сотням горцев. «Составленные из людей зрелых лет, взятых, по собственной охоте, из населения, некогда упорно сражавшегося с русскими, и не утратившего еще боевых преданий, сотни эти превосходили текинцев в отваге, как в пешем, так и в конном бою; исправно вооруженные, искусно владевшие холодным оружием, полные воинственных инстинктов, дагестанцы на скаку стреляли в отступавших текинцев, а при встрече с противником, засевишим в канавах и за стенками, быстро спешивались и бросались в шашки», – пишет автор [5, с.217].

В отличие от Сполатбога, В.Н.Г. утверждает, что оружие текинцев не выдерживало критики. Артиллерии не было, ружья были лишь у немногих, да и те кремниевые, старого образца. Основная масса была вооружена лишь саблями, хотя и неплохого качества, острыми и тяжелыми. У некоторых не было и сабель, отчего они были вынуждены обходиться топорами, пиками (зачастую это были просто палки с приделанными к ним половинками ножниц для стрижки овец) и даже просто дубинами [5, с.221]. Как и многие другие русские авторы, В.Н.Г., несмотря на то, что текинцы были врагами, высоко оценил их мужество, проявленное в боях с ними («они обладали мужеством, выработанным веками, и презрением к смерти, внушенном отчасти верой в предопределение, отчасти постоянными войнами») [5, с.221–222].

Автор пришел к выводу, что для осады и штурма Геок-Тепе сил было слишком мало и что занятый отрядом фронт вокруг крепости требовал гораздо большей численности войск [5, с.223]. Он справедливо утверждает, что артиллерийский обстрел, хотя и не наносил стенам серьезных повреждений, но причинил большой урон всем тем, кто находился за стенами, если учесть тот факт, что скученность населения там была огромной. Это позже подтвердил Сполатбог, отметив, что во время первой кампании текинцы еще не успели вырыть подземных укрытий. По словам автора, с внутренней стороны крепости непрерывно слышались крики, поскольку летящие туда снаряды «вырывали из сплошной человеческой толпы целые ряды, оставляя за собой потоки крови и вопли ужаса». К тому же не была достроена и стена, в восточной части которой имелся проход [5, с.224].

В ответ на начавшийся штурм текинцы предприняли смелую вылазку. Босые, с одними саблями, они обратили в бегство многих русских, нанеся им значительный урон и заставив отойти. Штурм захлебнулся. В русском отряде из строя выбыла четверть его состава, в том числе треть выбывших составили убитые и две трети – раненые. Кроме того, противник захватил не менее двух с половиной сотен современных винтовок, хотя и без достаточного количества патронов [5, с.224–226]. Русские были вынуждены снять осаду и отступить. Тому причиной стали не только большие потери, но и то, что запас продовольствия уже заканчивался; для его пополнения следовало взять текинскую крепость, однако после провального штурма вера в это иссякла.

Так бесславно завершилась первая Ахалтекинская кампания, после которой, по словам В.Н.Г., воинственность текинцев «поднялась до необычайной степени», а «дерзости текинцев не было пределов» [5, с.229–230].

В статье о второй Ахалтекинской кампании В.Н.Г. отметил, что ее целью был «окончательный удар вековой независимости полудикого племени» [6, с.399]. При этом в статье этого автора нет ничего принципиально нового, чего бы не было у других авторов – приезд Скобелева, состав отряда, его выдвижение, рекогносцировка, взятие Янги-калы, осада Геок-

Тепе и осадные работы, подготовка подземного взрыва под руководством подполковника Рутковского (которого автор ошибочно назвал полковником), вылазки текинцев, наконец – штурм и взятие крепости. Автор показал, как менялись во время осады настроения текинцев; если после ночной вылазки 28 декабря они ободрились и уверовали в победу, то после двух неудачных вылазок в начале января в их рядах началось смятение: *«Энергия стала падать: убеждение, что Аллах спасет своих верных сынов от посрамления, стало колебаться: тщетно предводители звали гарнизон на вылазки, тщетно муллы, обещая вечное блаженство, воодушевляли защитников – последние бранью отвечали на все убеждения»* [6, с.416].

Интересен и другой момент. У Скобелева была мысль назначить штурм на 13 января, но он остановился на 12-м, вспомнив про недавнюю войну с турками, во время которой на 13 число выпали два неудачных события – это сражения у села Зивин (13.06.1877) и при Кизил-Тепе (13.08.1877) [6, с.418–419].

В отличие от Верещагина, автор не пожелал бросить тень на имидж Скобелева, позволившего своим подопечным заняться грабежом, аккуратно отметив, что Белый генерал *«приказал не воспрещать солдатам пользоваться оставленным имуществом»*, включая драгоценности, оправдывая это тем, что это были вещи, *«награбленные в течение веков, и по следствию переходившие из поколения в поколение»* [6, с.423].

В конце статьи автор, подводя итог, задается вопросами: *«Какие же причины способствовали столь блестящему успеху трудной экспедиции?»* и *«Кому должен быть он приписан?»* – и тут же дает ответ: *«Прежде всего – высоким качествам русских войск»* и, конечно же, их *«любимому начальнику»*, *«его даровитости, энергии и отваге»* [6, с.424]. Далее на нескольких страницах идет перечисление всех заслуг и достоинств начальника отряда: грамотное решение хозяйственных вопросов, правильное распределение войск в тылу и на передовой, *«личное участие во всех рекогносцировках»*, грамотное применение артиллерии, *«искусное избрание пункта атаки»*, *«умение сочетать действия всех трех родов»* (войск), *«благоразумный отказ»* от *«форм боевого порядка и от способа действий, совершенно уместных на европейских театрах»*, *«личный пример»* во всем и т.д. [6, с.424–426].

Очередная анонимная статья была размещена также в пяти номерах еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» [45; 46; 47; 48; 49]. Поначалу там приводились краткие сведения, поступающие непосредственно из лагеря Скобелева. В №618 кратко обосновывается необходимость военной кампании. Затем, в №627, речь идет о штурме текинской твердыни, но описание боевых действий там практически отсутствует; приводится лишь количество потерь после тех или иных столкновений с указанием дат. При этом сначала упоминаются убитые и раненые офицеры с указанием их чинов, фамилий и титулов (если таковые имелись). Далее указывалось количество потерь среди нижних чинов, естественно, без их фами-

лий. Также упоминаются офицеры, которых Скобелев представил к наградам. Такие сведения напоминают краткие боевые сводки, поступающие с театра военных действий синхронно с описанными событиями. К примеру, номер от 17 января 1881 г. содержит информацию о январских событиях под Геок-Тепе и завершается телеграммой Скобелева от 13 января о взятии данной крепости, то есть информация поступала буквально «по горячим следам». Более подробные описания штурма Геок-Тепе приведены в следующем, 628-м, номере журнала. Все эти статьи выходили под названием «Экспедиция против туркмен Ахал-теке», но в №627 статья названа «Из экспедиции против туркмен Ахал-теке» (видимо, это просто ошибка, допущенная из-за невнимательности редакции). В следующем номере, кроме «Экспедиции против туркмен Ахал-теке», присутствует статья «Известия из Средней Азии», также содержащая информацию о той экспедиции. В №642 от 25 апреля 1881 г. отмечено, что предыдущие статьи об Ахалтекинской экспедиции представляли собой *«краткие сведения, которые в настоящее время имеем возможность пополнить»* благодаря рассказам очевидцев и недавно опубликованным документам. Правда, никого из очевидцев упомянуто так и не было. В конце того же (642) номера следовала надпись, что это ее окончание. Однако в №648 снова появилась статья с тем же названием, в которой по поводу предыдущей статьи отмечалось, что *«мы в настоящее время делаем в дополнение еще несколько рисунков, относящихся к ней, и потому считаем необходимым представить к ним надлежащее объяснение»*. Однако, несмотря на прежнее название, статья содержала лишь дополнительные сведения о местности, в которой разворачивались события: описание Кизил-Арвата, названного *«одним из маленьких русских постов»*, Янги-калы, названной *«одним из передовых фортов Геок-тепе»*, и холма Денгиль-Тепе. И все же первые номера данной статьи – это самые ранние публикации о событиях второго Ахалтекинского похода. Как следует из названия журнала, он хорошо иллюстрирован. Статьи об Ахалтекинской экспедиции изобилуют рисунками Н.Н. Каразина: «На крепостной стене», «Вожди текинцев», «Мулла-проповедник», «Стычка с текинцами охотников Терсаканского отряда под командою подпоручика апшеронского пехотного полка Воропанова с 12-го на 13-е августа», «Рекогносцировка местности перед кишлаком Янги-кала 18-го декабря 1880 года. Чтение диспозиции боя», «“Ихняя взяла”». Ночная вылазка текинцев 28-го декабря 1880 года против траншей апшеронцев», «“Наша взяла”». Ночная вылазка текинцев 4-го января 1881 года, удачно отбитая ставропольцами», «Штурм Денгиль-тепе (Геок-тепе) 12-го января», «Перемирие 1-го января для уборки тел», «Смерть генерала Петрусевича», «Холм Денгли-тепе после занятия его русскими войсками», «Гелиографическая станция в Янги-кала». Еще несколько рисунков сделали А. Бауман и А. Бальдингер.

Среди анонимных работ надо также указать **небольшую брошюру**, изданную редакцией журнала «Чтение для солдат» [34], в которой доволь-

но подробно, но при этом по существу, без какой-либо излишней информации, описана вторая Ахалтекинская военная кампания – от причин, толкнувших военное руководство страны к движению в Ахалтекинский оазис, до заботы об осиротевших текинских детях и наград участникам кампании. Завершается повествование словами: *«Последнее противодействие нашей власти в Средней Азии сломлено; последнее наше завоевание в ней окончено, и текинская земля теперь носит название “Закаспийской области”»* [34, с.64].

Не указан автор и в статье «Геок-тепе» из «Энциклопедии военных и морских дел» [9]. Географическим, этнографическим и другим особенностям в статье отведено лишь несколько строк. При этом отмечено, что Геок-Тепе – это не просто крепость или населенный пункт, а *«несколько поселений по берегам ручья Секиз-яба, в оазисе Ахал-теке»* [9, с.440]. Большую часть текста занимает военная тематика, связанная с кампаниями 1879 и 1880–1881 гг. Также значительную часть статьи занимает информация о верблюдах, являющихся незаменимым транспортным средством в регионе.

Константин Михайлович Фёдоров (1866–1947) не был ни военным, ни участником Ахалтекинской кампании, во время которой он был еще подростком. Он более известен как литератор и журналист. К истории Ахалтекинской кампании он обратился не случайно; уроженец Подмоскovie, в 1894–1912 гг. он жил в Асхабаде, где издавал газету «Закаспийское обозрение». Его небольшая брошюра, хотя и носит название «Ахалтекинская экспедиция 1880–81 гг. Геок-тепинский бой» [38], но данным событиям посвящена лишь треть и без того небольшой книги [38, с.3–14].

Она начинается с предисловия, в котором ее автор отметил, что день взятия Геок-Тепе (12 января) пришелся на Татьянин день (по старому стилю), и это символично: день святой покровительницы образования и просвещения стал началом к превращению *«пустынной, бесплодной, песчаной местности»* в *«цветущий, полный жизнерадостной деятельности край»* благодаря *«насаждению просвещения и русской гражданственности»* [38, с.1–II]. Там же автор сформулировал и цель публикации брошюры (*«ознакомить все войска Туркестанского военного округа, а также и части войск Кавказского военного округа, принимавшие участие в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., с краткой историей этой экспедиции»*) [38, с.II]. Для этого он использовал книги Куропаткина, Гродекова, Маслова. Книгу Гуляева он не упомянул, но, видимо, использовал и ее, так как точь-в-точь передал слова Гуляева о встрече со смертельно ранеными казаками [38, с.15–16].

В качестве введения автор кратко рассказал о вреде, который текинцы причиняли русским в Средней Азии после взятия Хивы и Бухары, о причине неудач Ломакина и о необходимости очередной кампании, которая не может быть провальной, иначе *«выражение нашей слабости в глазах Европы и Азии»* [38, с.3] обойдется России очень дорого.

В основной части Фёдоров, используя указанные выше книги, очень кратко пересказал историю Ахалтекинской кампании, начиная с прибытия в край Скобелева и заканчивая взятием Геок-Тепе. Дальнейший рассказ начинается с подсчета потерь и заканчивается теплыми словами Скобелева в адрес «туркестанцев», возвращавшихся к месту прежней службы [38, с.19–20].

Еще примерно треть брошюры [38, с.20–30] Фёдоров решил посвятить Скобелеву, его биографии и военной службе, так как, по мнению автора, *«из военных никто не пользуется такою известностью среди русского народа, как он — “белый генерал”. Это любимейший народный герой»* [38, с.20]. На самых последних страницах автор поместил рассказ о музее на станции Геок-Тепе, где находятся фотографии офицеров-участников штурма, портреты георгиевских кавалеров, картины Рубо и Сверчкова (на них – штурм Геок-Тепе и портрет Скобелева на коне), оружие времен того штурма, карты, которыми пользовался Скобелев, и т.д. Фёдоров сожалеет, что музей открыт не в Асхабаде (Ашхабаде), а в Геок-Тепе, так как на тот момент это просто станция, где поезд стоит недолго, а потому найдется мало желающих посетить музей (*«поезда на этой станции, во всяком случае, не будут стоять более 20 минут, а в это короткое время решительно нет никакой возможности сколько-нибудь внимательно осмотреть музей»*) [38, с.32].

Символично, что мемориальный комплекс, посвященный тем событиям, в Ашхабаде все же был открыт. Только это произошло уже в современной Туркмении и в честь других героев – не тех, кто штурмовал крепость Геок-Тепе, а тех, кто ее защищал.

Фёдор Михайлович Достоевский хорошо известен не только в России. Но далеко не все знакомы с его статьями, которые он публиковал в издаваемом им же ежемесячном журнале «Дневник писателя», где он делился впечатлениями и размышлениями на различные социально-политические, в том числе внешнеполитические и прочие темы. В январском номере за 1881 г. его «Дневника» он опубликовал свои соображения, касающиеся восточной политики России, к которым его подтолкнуло только что пришедшее в столицу известие о взятии русскими войсками крепости Геок-Тепе. Сразу же после этого Достоевский разместил в своем журнале статью с названием «Геок-тепе. Что такое для нас Азия?» [16].

Впрочем, ничего, касающегося первой части названия (описания Геок-Тепе и защитников крепости, ее взятия или подготовки к военной кампании), в статье нет. Просто статья начинается со слов о взятии текинской твердыни отрядом генерала М.Д. Скобелева. *«Геок-тепе взят, текинцы разбиты, и, хотя еще вполне не усмирены, наша победа несомненна»*, – констатирует Достоевский. И добавляет: *«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: “Вот, дескать, еще один свирепый и гордый правоверный народ Белому Царю поклонился”»* [16, с.25].

Автор упомянул и неудачный поход генерала Н.П. Ломакина, отметив, что еще совсем недавно тема завоевания Средней Азии была мало интересна российской общественности. Более того, многие вообще были против военных действий в данном регионе, считая это пустой тратой казенных денег («к нашей наступательной политике в Азии в последнее время многие стали было относиться неприязненно») [16, с.25]. Но, благодаря Скобелеву, после взятия Геок-Тепе в обществе и прессе воспрянул дух патриотизма и прославления русского оружия. Далее на всем протяжении своей статьи Фёдор Михайлович дискутирует с теми, кто полагал, что ни Геок-Тепе, ни Азия в целом, нам мало интересны, ибо мы – Европа.

Сегодня многие россияне, особенно либерально настроенные, были бы удивлены, услышав высокие фразы в адрес царя от автора той статьи, которого они вряд ли считали монархистом. Впрочем, эти слова были адресованы не какому-то конкретному царю, но царю как главе империи, прирастающей новыми азиатскими землями и народами. *«Пусть в этих миллионах народов ... растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, ...но имя Белого Царя должно стоять превыше... Белый Царь есть царь и калифу. Вот такое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо»*, – пишет Достоевский [16, с.25–26].

Далее он рассуждает точь-в-точь как истинный славянофил – о рабском преклонении перед Европой значительной части русской интеллигенции и даже представителей власти не только в его время, но и на протяжении почти двух предшествующих столетий. *«Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами»*, – уверен он. И эта «лакейская боязнь» – не что иное, как *«ошибочный стыд наш»* и *«ошибочный наш взгляд на себя единственно, как только на европейцев»*, за которые приходится платить *«утратой духовной самостоятельности нашей»* [16, с.26]. И, конечно же, *«русский – не только европеец, но и азиат»* [16, с.26].

Он справедливо полагает, что Европа не понимает Россию, не разделяет и не понимает ее высоких идей: *«Идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!»* [16, с.28]. Поэтому европейцы не считают русских своими, и вряд ли такая ситуация изменится в обозримом будущем. *«Они признали нас чуждыми своей цивилизации»*, – считает Достоевский [16, с.27–28]. Даже турки или иудеи, по его мнению, европейцам ближе, ибо более понятны им: *«Турки, семиты, им ближе по духу, чем мы»* [16, с.28].

К тому же Европа всегда платила России черной неблагодарностью за все добро, что когда-либо ей делала Россия. Например, освободила Европу от Наполеона: *«Выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним, как советовали и желали тогда некоторые немного прозорливые русские люди, а двинулись всей стеной осчастливить Европу»* [16, с.26]. Достоевский

считал ошибкой Заграничный поход 1813–1814 гг. Он считал, что если б Наполеон ушел из России и вернул контроль над Европой, то Россия сосредоточилась бы на Азии, забыв про Европу. И тогда контроль над недавно присоединенными регионами был бы установлен намного раньше, и новые регионы империи мало чем отличались бы от старых: *«За условие, что мы не будем ему мешать в Европе, он отдал бы нам Восток, и теперешний восточный вопрос наш – гроза и беда нашего текущего и нашего будущего – был бы уже теперь давно разрешен»* [16, с.27]. И не пришлось бы вести «большую игру» с Англией, ибо та никогда бы не стала нам конкурентом, примирились мы тогда с Наполеоном. А не помнящие добра народы Европы *«стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной»* [16, с.27]. И теперь *«в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень, и ждет только первого столкновения»* [16, с.27].

Многие сегодня также были бы удивлены, обнаружив в данной статье Достоевского строки, которые могли бы показаться проявлениями у автора великодержавных, империалистических настроений. Однако сегодня не так просто понять душу тогдашних патриотов России, видевших свою страну светочем цивилизации, которую та несет «диким» и «полудиким» племенам, что вовсе не означает их унижение. Напротив, приобщившись к российской культуре, они шагнут вперед в своем развитии, и даже будут благодарны за это России. Об этом можно прочесть в следующей статье Достоевского, помещенной в том же номере «Дневника писателя» под названием «Вопросы и ответы» [17]. В ней автор продолжил тему России, Европы и Азии, начатую в предыдущей статье: *«В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение»* [17, с.29]. Далее Достоевский уверяет, что наша «цивилизаторская миссия» в Азии *«возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало»* [17, с.30].

Читатель с либеральными взглядами сочтет взгляды Достоевского не иначе как империалистическими, прочтя строки, в которых тот с сожалением пишет, что в руководстве страны *«не найдется, может быть, ни единого политического ума, который бы признавал за здравое, что Константинополь должен быть наш»* [17, с.31].

И в завершении статьи Достоевский закономерно возвращается к Геок-Тепе, генералу Скобелеву и его отряду, в чей адрес звучат пафосные слова: *«Да здравствует победа у Геок-тепе! Да здравствует Скобелев и его солдатики, и вечная память “выбывшим из списков” богатырям!»* [17, с.32].

Николай Александрович Лейкин (1841–1906) родился в столичной купеческой семье. Будучи человеком веселым, и при этом журналистом и

писателем, в столице он приобрел имидж «газетного увеселителя». Свою статью «Ахалтекинская экспедиция» он разместил в сборнике «Наши забавники. Юмористические рассказы» [26]. Может показаться странным, что рассказ с таким названием оказался в подобном издании. Что может быть смешного в военной кампании, сопряженной с гибелью людей? Но Лейкин смеется не над событиями в Ахалтекинском оазисе, а о том, как после прочтения газетной статьи о взятии Геок-Тепе, ее обсуждают собравшиеся в табачной лавке собеседники – продавец и два покупателя. Их наивная беседа и стала для автора объектом иронии.

Дискуссия велась на разные темы: состоится ли показ народу пленного «главного мурзы»; где и в каких условиях его разместят и т.п. Но главной темой стал вопрос: чем считать происходящие у Геок-Тепе события – «войной» или «усмирением»? Так, по мнению отставного солдата, с азиатами могут быть только усмирения, а не войны [26, с.268]. И все же спорщики согласились, что с турками была война, так как у них есть своя «держава», а с теми, «кто в степи шляется», может быть только «усмирение» [26, с.269]. Ахал-текинцев спорщики называют «нахал-микинцами» и подводят итог, что «дикого человека» нельзя «оставить без усмирения», иначе тот «таких вертунов наделает» [26, с.268]. К тому же «микинцы» настолько дики, что даже найти их очень трудно. Поэтому один генерал их долго искал, но так и не нашел их следов. И тогда поиском занялся опытный генерал Скобелев, который, найдя «дикарей», стал гонять их по степям [26, с.268–269]. Видимо, первый генерал – это Н.П. Ломакин, который так и не смог «усмирить микинцев». Что-то такое собеседники ранее слышали. Мусульман, которых тогда официально называли «магометанами», спорщики называют «мухоеданами». Спорщики согласились, что правительству всегда нужно кого-то «усмирять»; еще недавно умирляли Кавказ, теперь умирляют «нахал-микинцев». Кто же будет следующим, после «микинцев»? Конечно, «в степи» снова найдут кого-нибудь для усмирения [26, с.269].

При перевозке грузов в Азии используют не лошадей, а верблюдов, но не потому, что они более приспособлены к подобным перемещениям, а потому что так *«завсегда при усмирении положено»* [26, с.269].

При обсуждении видов оружия собеседники выяснили, что торпеды не только бывают морскими, но и сухопутными (видимо, имелись в виду ракеты) [26, с.269–270].

Была затронута и тема расовой принадлежности «микинцев». На вопрос *«Белой ли масти народ?»* собеседник дал оригинальный ответ: *«Пестрые ... потому они от черной бабы и белого мужчины. Ну и выходят иные полосами, иные крапинками»* [26, с.270–271].

Оригинальным было и объяснение причины «усмирения микинцев» (*«китайцы нам по трусости на них указали»*), хотя умирять русские сначала собрались китайцев, но передумали (*«китаец нам человек нужный, потому он чай поставляет, так зачем его тревожить?»*) [26, с.271].

Вот свидетелем какой дискуссии стал Лейкин, пожелавший непременно сделать ее достоянием читателей юмористического издания. А между тем, эту ситуацию можно считать типичной. Примерно так же на происходившие в Средней Азии события смотрели простые люди, коих было абсолютное большинство, над простотой и наивностью которых смеялось образованное меньшинство, к коему принадлежал Лейкин.

Таким образом, труды, написанные дореволюционными авторами об экспедиции в Ахалтекинский оазис в 1880 – начале 1881 г., завершившейся штурмом и взятием Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), и, прежде всего, участниками той экспедиции, позволяют взглянуть на те события глазами их авторов – офицеров из числа пехотинцев и драгунов, казаков и артиллеристов, саперов и моряков, да и просто военных врачей. Все они стремились показать объективную картину, ничего не приукрашивая и не выполняя ничьего политического заказа. Их труды помогают воссоздать более объективную картину тех событий, чем советская историография, а порой и современная, особенно в ряде постсоветских республик. Статьи гражданских лиц, не участвовавших в той военной кампании, помогают понять, что думали о тех событиях люди, какими они видели перспективы происходящего, какие оценки давали своей армии и ее военачальникам. Профессиональные военные, не участвовавшие в той экспедиции, но знающие военное дело не понаслышке, опираясь на труды ее участников, представляли ее эпизодом, занявшим достойное место в их трудах, посвященных присоединению к Российской империи Средней Азии. Работы, выдержанные в строгих тонах военных отчетов, дополнены работами, похожими на рассказы из художественной литературы, позволяющими взглянуть на лагерный и походный быт военных, объяснить читателям суть происходящего, показать и передать чаяния, чувства и эмоции сослуживцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №164. С.971–974.
2. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №165. С.996–999.
3. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №166. С.1018–1021.
4. *Азотов Г.* Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879–1881 гг. // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1893. №167. С.1044–1045.
5. В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-Теке. 1879 и 1880 гг. // Военный сборник. 1888. №5. С.204–230.
6. В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-Теке. 1879 и 1880 гг. // Военный сборник. 1888. №6. С.396–426.
7. *Верещагин А.В.* Новые рассказы (1855–1895). СПб.: Тип. Э.Арнольда, 1900. 226 с.

8. *Гейнс К.К.* Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда. 1880–1881. Тип. Департамента уделов, 1882. 84 с.
9. *Геок-Тепе* // Энциклопедия военных и морских дел / под главною редакцией генерал-лейтенанта Леера, заслуженного профессора Николаевской Академии Генерального штаба. Т. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1885. С. 440–450.
10. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 440 с.
11. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 395 с.
12. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 3. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 350 с.
13. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1884. 497 с.
14. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В. И. Жаворонкова, 1882. 88 с.
15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.: Товарищество «М. О. Вольф», 1905. 2030 стб.
16. *Достоевский Ф.М.* Геок-тепе. Что такое для нас Азия? // Дневник писателя. 1881. Январь. С. 25–28.
17. *Достоевский Ф.М.* Вопросы и ответы // Дневник писателя (ежемесячное издание). 1881. С. 2832.
18. *Калитин П.П.* Ахал-текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 28. Май. С. 80–112.
19. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 3. С. 159–183.
20. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 4. С. 358–376.
21. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 5. С. 167–192.
22. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1882. № 12. С. 292–299.
23. *Капитан Муравцев.* Туркестанский отряд в Ахалтекинской экспедиции 1880 г. // Военный сборник. 1883. № 1. С. 288–332.
24. *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. 224 с.
25. *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (Историографические проблемы). Ташкент: Изд. «Фан», 1986. 121 с.
26. *Лейкин Н.А.* Ахал-текинская экспедиция // Наши забавники. Юмористические рассказы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Д-ра М. А. Хана, 1881. С. 267–271.
27. *Майер А.А.* Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 (из воспоминаний раненого). Кронштадт: Тип. «Кронштадтского вестника», 1886. 261 с.
28. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография в здании Главного Штаба, 1890. 380 с.

29. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №1. С.1–31.
30. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №3. С.239–264.
31. *Маслов А.Н.* Осада крепости Денгиль-тепе (1880–1881) // Инженерный журнал. 1882. №5. С.503–534.
32. *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. 206 с.
33. *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). Изд. 2-е (с материалами для биографии генерал-адъютанта Скобелева). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. 326 с.
34. Осада и штурм текинской крепости Геок-тепе. СПб.: Изд. редакции журнала «Чтение для солдат», 1882. 69 с.
35. *Сандр.* «Уральцы» в Туркестанском крае // Русское богатство. 1905. №6. С.1–35.
36. *Сполатбог Н.Н.* Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: б. и., 1884. 25 с.
37. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии (с картами и планами). Т.3. СПб.: Типолиитография В.В. Комарова, 1906. 526 с.
38. *Фёдоров К.М.* Ахал-текинская экспедиция 1880–1881 гг. Геоктепинский бой. Асхабад: Электронпечатня К.М. Фёдорова, 1904. 32 с.
39. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №6. С.282–293.
40. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №7. С.129–144.
41. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №9. С.125–138.
42. *Черняк А.* Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1887. №10. С.261–278.
43. *Черняк А.* Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. №12. С.390–462.
44. *Щербак А.В.* Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–81 годах: из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. Издание 2-е. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. 176 с.
45. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1880. №618. С.354.
46. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №627. С.43–46.
47. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №628. С.66.
48. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №642. С.351–355.
49. Экспедиция против туркмен Ахал-теке // Всемирная иллюстрация. 1881. №648. С.473–474.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 14.04.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke expeditions
of 1879 and 1880–1881

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

After the collapse of the USSR, the history of the annexation of the regions of Central Asia to Russia acquired both scientific and political relevance, since today in the former republics of Central Asia, not scientific, but political assessment of events prevails, far from objectivity. Positive results are almost completely denied, while the emphasis is placed on negative consequences, the description of which is sometimes brought to the point of absurdity. It can be said that the previous Soviet approach was continued, but in a less objective and more politicized form, since Soviet historians recognized the presence of positive consequences. Today, the historical science of Central Asia strives to show the past suffering of its peoples and the inhuman cruelty of the "conquerors", although the former were no less cruel. Moreover, not only in relation to the "conquerors", but also in relation to neighboring peoples or even in relation to other local tribes. Turning to pre-revolutionary literature, first of all, to that written by the participants of those military campaigns themselves, allows us to look at the events of the past through their eyes and more objectively assess everything that happened between Russia and the Central Asian khanates. Since the analysis of the pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke military campaigns of 1879 and 1880–1881 has not yet been carried out, this article has scientific novelty.

Keywords: Akhal-Teke expedition of 1879, Akhal-Teke expedition of 1880–1881, storming of Geok-Tepe, annexation of Central Asia, pre-revolutionary military literature

For citation: Dubovikov A.M. Pre-revolutionary literature on the Akhal-Teke expeditions of 1879 and 1880–1881. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.10–56. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.10-56> (In Russian)

REFERENCES

1. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.164, pp.971–974. (In Russian)
2. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.165, pp.996–999. (In Russian)
3. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.166, pp.1018–1021. (In Russian)
4. Azotov G. Memoirs of the expedition to Akhal-Teke in 1879–1881. *Scout. Military and literary magazine*. 1893, no.167, pp.1044–1045. (In Russian)
5. V.N.G. Essay on the expeditions to Akhal-Teke. 1879 and 1880. *Military collection*. 1888, no.5, pp.204–230. (In Russian)
6. V.N.G. Essay on the expeditions to Akhal-Teke. 1879 and 1880. *Military collection*. 1888, no.6, pp.396–426. (In Russian)
7. Vereshchagin A.V. *New stories (1855–1895)*. St. Petersburg: E. Arngold Publ., 1900. 226 p. (In Russian)
8. Gaines K.K. *Essay on the military life of the Akhal-Teke detachment. 1880–1881*. Department of Appanages Publ., 1882. 84 p. (In Russian)
9. Geok-Tepe. *Encyclopedia of military and naval affairs*. Ed. by Lieutenant General Leer. Vol.2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1885. Pp.440–450. (In Russian)
10. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.1. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 440 p. (In Russian)
11. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.2. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 395 p. (In Russian)
12. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.3. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1883. 350 p. (In Russian)
13. Grodekov N.I. *War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881*. Vol.4. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1884. 497 p. (In Russian)
14. Gulyaev A.L. *Campaign to the Amu Darya and the Teke oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Publ., 1882. 88 p. (In Russian)
15. Dahl V.I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Vol.2. St. Petersburg: M.O. Wolf Association Publ., 1905. 2030 columns. (In Russian)
16. Dostoevsky F.M. Geok-Tepe. What is Asia for us? *Writer's Diary*. 1881. January. Pp.25–28. (In Russian)
17. Dostoevsky F.M. Questions and Answers. *Writer's Diary*. 1881. Pp.28–32. (In Russian)
18. Kalitin P.P. Akhal-Tekin expedition. *Russian bulletin*. 1890. Vol.28. May. Pp.80–111. (In Russian)
19. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.3, pp.159–183. (In Russian)
20. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.4, pp.358–376. (In Russian)
21. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.5, pp.167–1192. (In Russian)
22. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1882, no.12, pp.292–299. (In Russian)

23. Captain Muravtsev. Turkestan detachment in the Akhal-Teke expedition of 1880. *Military collection*. 1883, no.1, pp.288–332. (In Russian)
24. Kuropatkin A.N. *Conquest of Turkmenistan (campaign in Akhal-Teke in 1880–1881): with an outline of military operations in Central Asia from 1839 to 1876*. St. Petersburg: V. Berezovsky Publ., 1899. 224 p. (In Russian)
25. Levteeva L.G. *Annexation of Central Asia to Russia in memoir sources (Historiographical problems)*. Tashkent: Fan Publ., 1986. 121 p. (In Russian)
26. Leikin N.A. Akhal-Teke expedition. *Our funny people. Humorous stories*. 2nd ed. St. Petersburg: Dr. M.A. Khan Publ., 1881. Pp.267–271. (In Russian)
27. Mayer A.A. *A year in the sands. Sketches and essays of the Akhal-Teke expedition of 1880–1881 (from the memoirs of a wounded man)*. Kronstadt: Kronstadt Bulletin Publ., 1886. 261 p. (In Russian)
28. Maksheev A.I. *Historical review of Turkestan and the Russian offensive movement into it*. St. Petersburg: Military Publ., 1890. 380 p. (In Russian)
29. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.1, pp.1–31. (In Russian)
30. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.3, pp.239–264. (In Russian)
31. Maslov A.N. Siege of the fortress Dengil-Tepe (1880–1881). *Engineering Journal*. 1882, no.5, pp.503–534. (In Russian)
32. Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Essays on Skobelev's last expedition (1880–1881)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1882. 206 p. (In Russian)
33. Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Essays on Skobelev's last expedition (1880–1881)*. 2nd ed. (with materials for the biography of Adjutant General Skobelev). St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1887. 326 p. (In Russian)
34. *Siege and storming of the Teke fortress of Geok-Tepe*. St. Petersburg: Reading for soldiers Publ., 1882. 69 p. (In Russian)
35. Sandr. "Urals" in the Turkestan region. *Russian wealth*. 1905, no.6, pp.1–35. (In Russian)
36. Spolatbog N.N. *The conquest of Akhal-Teke (From the notes of Colonel Spolatbog)*. Tiflis, 1884. 25 p. (In Russian)
37. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia (with maps and plans)*. Vol.3. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1906. 526 p. (In Russian)
38. Fedorov K.M. *Akhal-Teke expedition of 1880–1881. Geok-Tepe battle*. Ashkhabad: K.M. Fedorov Publ., 1904. 32 p. (In Russian)
39. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.6, pp.282–293. (In Russian)
40. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.7, pp.129–144. (In Russian)
41. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.9, pp.125–138. (In Russian)
42. Chernyak A. Expedition to Akhal-Teke in 1879 (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1887, no.10, pp.261–278. (In Russian)
43. Chernyak A. Notes on the expedition of General Skobelev to Akhal-Teke (from the notes of a sapper officer). *Military collection*. 1889, no.12, pp.390–462. (In Russian)

44. Shcherbak A.V. *Akhal-Teke expedition of General Skobelev in 1880–1881: from the memoirs of Dr. A.V. Shcherbak*. 2nd ed. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1900. 176 p. (In Russian)

45. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1880, no.618, p.354. (In Russian)

46. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.627, pp.43–46. (In Russian)

47. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.628, p.66. (In Russian)

48. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no.642, pp.351–355. (In Russian)

49. Expedition against the Akhal-Teke Turkmens. *Worldwide illustration*. 1881, no. 648, pp.473–474. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received April 14, 2025

Accepted for publication May 12, 2025